

Адам Улам

**Большевики. Причины и
последствия переворота 1917 года**

«Центрполиграф»

Улам А. Б.

Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года /
А. Б. Улам — «Центрполиграф»,

Адам Б. Улам – профессор истории и государственного права Гарвардского университета, автор знаменитой книги «Идеологии и иллюзии». Подробное исследование истоков большевизма в России Улам соединяет с образом вождя революции – Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Повествование объективно отражает картину возникновения и развития большевизма в России. В книге освещаются редкие факты из жизни ленинских соратников. Рассказывается о происхождении семьи Ульяновых, доходах и многом другом, о чем прежде умалчивали ученые и исследователи.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	20
Глава 1	20
Глава 2	33
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Адам Б. Улам

Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года

Часть первая Семья

Владимир Ильич Ульянов, впоследствии взявший псевдоним Ленин, не любил откровенничать о собственном происхождении и истории своей семьи. И вовсе не потому, что в истории семьи Ульяновых были моменты, вызывавшие неловкость у вождя мирового пролетариата. Вовсе нет. Просто сказывалась свойственная Владимиру Ильичу сдержанность в вопросах, касающихся личной жизни. В 1920 году, заполняя партийную анкету, Ленин указал, что не знает, чем занимался его дед со стороны отца.

После смерти Ленина в 1924 году появилось огромное количество биографической литературы, в том числе воспоминания двух сестер и брата Ленина, не содержащей практически никаких новых фактов, проливающих свет на историю семьи Ульяновых и родственников со стороны матери. Подобного рода упущения отнюдь не могут быть отнесены на тот счет, что по сравнению с революционной деятельностью Владимира Ильича его родословная не имеет существенного значения. Происхождение Ульянова-Ленина всегда вызывало определенное замешательство у советских биографов: «вышли мы все из народа», а Ленин-то как раз не «из народа». По сути, отец Ленина был преданным слугой царского режима и верным сыном Русской православной церкви, а его мать – дочерью мелкого землевладельца. С расцветом российского национализма, насаждаемого Сталиным, стало не просто затруднительно, а даже весьма опасно, исследуя генеалогическое древо основателя Советского государства, упоминать о его нерусских корнях. Более того, если довольно высокое общественное положение отца Ленина представляло своего рода трудности для биографов, то, как это ни парадоксально, низкое положение деда Ленина только усугубляло эту картину. Советские историки вслед за Лениным упорно повторяли, что царская Россия представляет собой жестокое классовое общество и является «тюрьмой народов»; но чем же тогда объясняется столь быстрое продвижение по службе отца Ленина? Илья Николаевич Ульянов, родившийся в бедной семье (мать была неграмотной) и имевший значительную примесь нерусской крови, дослужился до высокого поста государственного служащего, дающего право именоваться «ваше превосходительство». Нет ничего удивительного в том, что многие советские писатели обходили молчанием непривлекательную фигуру деда или упоминали о нем как о «мелком чиновнике». На самом деле дед Ленина был портным.

Работая над романом «Семья Ульяновых», советская писательница Мариэтта Шагинян (наиболее добросовестная, в отличие от большинства биографов) обнаружила материалы, касающиеся происхождения Владимира Ильича Ленина.¹

Илья Николаевич Ульянов родился в 1831 году в Астрахани. Старинный город, расположенный в дельте Волги, издавна был центром торговых отношений с Востоком. Монголо-татарские нашествия самым серьезным образом сказались на демографическом составе населения. В 1831 году не только городское, но и сельское население представляло невероятное смешение самых разных национальностей – татар, башкир, калмыков и других народов с этническими

¹ Роман, появившийся в 1937 году, вызвал возмущение властей и был переиздан только в 1957 году, после разоблачения сталинизма.

русскими. Мать Ильи Николаевича, Анна, вне всякого сомнения, происходила из калмыков, и есть серьезные основания полагать, что и его отец, Николай, был калмыком.²

Свидетельством русификации, безусловно, являются имена членов семьи и их принадлежность к православной церкви; в Илье Николаевиче безошибочно угадывается монголоидное происхождение, и часто упоминаются «татарские черты» во внешности его знаменитого сына.

Процесс продвижения по социальной лестнице, начатый Николаем Ульяновым, завершил его внук, ставший правителем России. Николай, рожденный крепостным крестьянином, был отправлен в город изучать ремесло, и, очевидно, сумел купить себе свободу. Он уже не вернулся в деревню, став горожанином, а точнее сказать, мещанином. К этой категории горожан могли относиться и те, кто встал на путь успешного предпринимательства, и такие, как в данном случае, бедные ремесленники.

Бедность Ульяновых проливала бальзам на души советских биографов; ведь даже портной (не дай бог!) мог оказаться «эксплуататором» и использовать наемный труд, не то что «мелкий буржуй», который собственноручно кроит и шьет. Николай Ульянов женился поздно, и Илье было всего семь лет, когда в возрасте семидесяти четырех лет умер его отец. После смерти отца Василий, который был старше Ильи на десять или тринадцать лет (существуют явные несоответствия в романах Шагинян), вынужденно стал кормильцем семьи. С молодых лет до самой смерти проработал Василий в одном учреждении. Позже Илья часто с благодарностью вспоминал старшего брата, который мог бы сам получить образование, но пожертвовал собой во имя семьи. В значительной степени благодаря Василию (помощь оказывал и крестный отец Ильи, православный священник) младший брат смог окончить школу, а затем и университет.

Самое удивительное, что Василий, оставаясь до конца своих дней холостым, похоже, никогда не навещал семейство брата. Не кто-нибудь, а сослуживцы установили памятную плиту на его могиле. Советские историки не уделяли особого внимания матери Ильи и двум его сестрам; их больше заботило показать, что предки Ленина всегда были среди «эксплуатируемых», а не «эксплуататоров». Стоило отцу Ленина поступить в университет, как связь с городом детства постепенно сошла на нет. Не смущало ли государственного служащего Илью Ульянова его плебейское происхождение, особенно в связи с родословной жены? Вряд ли. Подобное предположение не согласуется с тем, что нам известно о характере этого человека.

История Ульяновых помогает внести коррективы в сложившиеся представления о царской России. Астраханская гимназия, в которой с 1843 года у Ильи Николаевича началось восхождение по служебной лестнице, разнообразием предметов и качеством обучения могла соперничать с подобными учреждениями Франции и Пруссии. Здесь, в полуазиатском городе отсталой России, сын бывшего крепостного получил хорошую подготовку к дальнейшей учебе в университете, заложившей основу будущей педагогической карьеры. Многие ли из современных американских школьников проходят курс обучения в средней школе, программа которой предусматривает изучение двух иностранных языков, латыни и хорошую подготовку по математике и физике, не считая огромного разнообразия других предметов? Именно в гимназии Илья Николаевич приобрел основные знания, которые позволили потомку простых калмыков стать типичным культурным россиянином.

Существовала и обратная сторона медали. Бесспорно, зубрежка в сочетании с суровой дисциплиной создавали в гимназии несколько гнетущую атмосферу. Российские педагоги XIX века, в большинстве случаев гуманные, преданные своему делу люди, оставались в счастливом неведении относительно будущих открытий доктора Фрейда и Дьюи. За «неудами» по любым предметам обычно следовали часы бесконечной зубрежки. Ни спортивные, ни какие-

² Калмыки, ветвь монгольского племени, заселили эту территорию в XVII веке.

либо иные формы активной деятельности не давали возможности ослабить атмосферу напряженной учебы. Неудивительно, что греческая грамматика и логарифмы создали почву для появления первых ростков радикального протеста у многих будущих русских революционеров.

В 1850 году Илья Ульянов заканчивает учебу. Илью, как блестящего студента, представляют на получение университетской стипендии. Но в то время стипендии предназначались для детей обедневших дворян, которых прочили на государственную службу. Происхождение Ильи Николаевича не давало ему права на получение стипендии, и он опять вынужден просить помощи у родственников и давать частные уроки, чтобы обеспечить себе средства к существованию на протяжении четырех лет учебы в университете.

Казань, где продолжил обучение Илья Николаевич, а затем и его знаменитый сын, напоминала Астрахань, бывшую столицу Астраханского ханства. Казанский университет, хотя и не столь престижный, как университеты Москвы и Петербурга, вполне мог гордиться прекрасным профессорско-преподавательским составом. На протяжении многих лет первой половины XIX века ректором Казанского университета был профессор Лобачевский, один из величайших ученых в истории математики. Илья Ульянов, испытывая явный интерес к профессии юриста, тем не менее решил поступить на математический факультет, который окончил в 1854 году в звании учителя естественных наук. Годом позже великий Лобачевский, в то время куратор казанских школ, рекомендовал Илью Николаевича на должность учителя физики и математики в среднюю школу города Пензы.

В Пензе, настоящем российском захолустье XIX века, было положено начало педагогической и административной карьере Ильи Николаевича Ульянова. В Пензе, а затем в волжских городах Нижнем Новгороде и Симбирске прошла его жизнь. Столицы, Москву и Санкт-Петербург, он посещал лишь как участник педагогических конференций или приезжая на доклад к министру просвещения. Человек уровня Ильи Николаевича хотя бы однажды должен был побывать за границей, чтобы познакомиться с «культурным» Западом. Но Илья Николаевич никогда там не был. Вся его жизнь прошла в провинциальной России XIX века, погруженной в летаргический сон, той самой России, вызывавшей странное смешанное чувство любви и отвращения.

В 1863 году Илья Николаевич женился на Марии Бланк, дочери отставного врача. В отношении семьи матери Ленина советские биографы проявляли еще большую осмотнительность, чем в случае родственных связей со стороны отца. Там тоже были определенные сложности, но Ульяновы хотя бы были бедны. Это уж неоспоримо! Александр Бланк (дед Ленина со стороны матери) после ухода на пенсию купил имение недалеко от Казани и был зарегистрирован в качестве землевладельца Казанской губернии. Таким образом, согласно нелепой классификации советской историографии он перешел в разряд «эксплуататоров». С государственной точки зрения предки со стороны матери Ленина портили образ вождя. Фамилия Бланк, безусловно, не относится к истинно русским фамилиям, не говоря уже о том, что жена доктора была немкой. Следует отметить, что Бланк часто оказывал крестьянам необходимую медицинскую помощь, и, согласно свидетельству сестры Ленина, дед был «выдающимся человеком... сильным, рассчитывающим исключительно на собственные силы... Его натуре были чужды любые проявления карьеризма и подбострастия». По всей видимости, он был кем-то вроде домашнего тирана; воспитание пяти дочерей строилось на основе четко определенных правил поведения (начиная с такого важного момента, как время отхода ко сну).

Одним словом, Мария Александровна вышла из более образованной среды, чем муж. Несмотря на то что они были весьма счастливы в браке, есть основания полагать, что ее, жену государственного чиновника, не слишком устраивала безрадостная жизнь в провинциальных городах. Помимо прочего, она, в отличие от мужа, обладала независимостью взглядов и меньшей склонностью к конформизму. Илья Николаевич был глубоко религиозным человеком; его жена «не любила ходить в церковь». По всей видимости, это была удивительная женщина. Не

одобряя, она тем не менее постигла суть революционной деятельности своих детей. Уже после смерти мужа был казнен ее старший сын, а младшая дочь умерла от тифа, но Мария Александровна продолжала оказывать посильную помощь оставшимся четверым детям, подвергавшимся постоянным арестам и изгнанию.

Ужасные условия жизни и работы заставили Ульяновых перебраться из Пензы в Нижний Новгород. Здесь Илья Ульянов проработал шесть лет в должности старшего преподавателя гимназии. В 1869 году он получил повышение по службе – должность инспектора народных училищ Симбирской губернии.

Благодаря реформам 1860-х годов народное образование обрело новый стимул. Основной задачей вновь созданных органов местного правительства являлась поддержка и финансирование народных училищ. В то время и консерватор, и либерал считали, что будущее страны зависит от скорости возрастания грамотности среди населения, и в особенности недавно освобожденного крестьянства. Должности инспектора, а затем и директора народных училищ (эту должность Илья Николаевич получил в 1874 году) явились краеугольным камнем целой системы. Ульянов был тем самым связующим звеном между Министерством просвещения и местными департаментами. На его плечи легли ответственность за обучение, назначение на должность и наказание учителей, а также организация учебного процесса в начальных школах. В такой отсталой и бедной (даже по меркам 1869 года) провинции, какой являлся Симбирск, это была работа, требующая безумного напряжения сил. Ульянов, безусловно, был всецело предан системе образования, если решился сменить должность преподавателя средней школы в Нижнем (который в определенной степени даже походил на большой город) на пост инспектора в унылой провинции с населением около миллиона человек. Симбирск был типичной провинциальной дырой, наподобие тех, которые увековечили в своих произведениях Гоголь и Салтыков-Щедрин. В городе царила «пасторальная» атмосфера, по улицам разгуливали домашние животные. В Симбирске Илья Николаевич провел пятнадцать лет, и здесь в 1870 году родился его второй сын (третий ребенок в семье) Владимир.

Детство и юность Ленина прошли на Волге. Этот период жизни, проведенный в сонных городах и отсталых деревнях Центральной России, должен был определенным образом сказаться на индивидуальности Володи Ульянова. «Недостаток культуры» Симбирска и Самары в значительной степени компенсировался близостью к природе, тесными семейными взаимоотношениями и студенческой дружбой. Здесь прилежный юноша не подвергался соблазнам, с которыми бы неизбежно столкнулся в большом городе. Владимиру Ульянову было двадцать три года, когда он покинул провинцию. К тому моменту он уже определился с выбором профессии, сформировал жизненную философию. Ленин так никогда и не полюбил большие города. В Англии он тосковал по родным местам, по Волге. И дело тут не только в ностальгии; он испытывал неприязненное отношение ко всему укладу современной европейской жизни и в то же время отчаянно стремился установить в своей отсталой стране именно такой закон и порядок. В письмах из Польши, где Ленин обосновался незадолго до Первой мировой войны, явственно прослеживается двойственность высказываемых им соображений. Краков и его окрестности – «самое настоящее болото». «Здесь и речи не может идти о культуре; тут почти (так же плохо) как в России». В то же время Ленин признается, что чувствует себя здесь намного лучше, чем в Париже или в Женеве. Здешняя атмосфера, вызывавшая в памяти юношеские годы, самым благотворным образом влияла на нервную систему Владимира Ильича, а это, в свою очередь, весьма положительно сказывалось на его деятельности.

Жизнь семьи Ульяновых разворачивалась с соблюдением всех законов и правил приличия, соответствующих тому времени. Владимир (будущий Ленин) появился на свет после Анны (1864) и Александра (1866); затем родились Ольга (1871), Дмитрий (1874) и Мария (1878). Рыжеволосый, рано облысевший Владимир, унаследовавший косой разрез глаз и высокие скулы Ильи Николаевича, более всех детей походил на отца.

Тем временем Илья Николаевич успешно продвигался по служебной лестнице и дослужился до директора народных училищ, что в табели о рангах соответствовало званию генерал-майора в армии, вкупе с орденом Святого Владимира предоставлявшему право потомственного дворянства. Следует добавить, что благодаря успешной карьере Ильи Ульянова он сам и его семья являлись представителями среднего класса, называемого в России интеллигенцией, – слоя общества, состоящего из государственных служащих и лиц свободных профессий. Вообще, это достаточно расплывчатое понятие. В самом узком смысле принадлежность к интеллигенции означала определенную политическую позицию, которую, опять-таки весьма приблизительно, можно охарактеризовать как передовую, либеральную. В более широком смысле в России XIX века интеллигенция, за неимением западного аналога делового класса, занимала среднее положение в обществе.³

Илья Ульянов ни в коей мере не соответствовал образу царского чиновника, знакомого нам по русской сатирической литературе, – пресмыкающегося перед начальством, грубого и бесчувственного с подчиненными, продажного, любителя горячительных напитков и азартных игр. По свидетельству современников, Илья Николаевич крайне добросовестно относился к службе. Его работа заключалась в ежедневной изматывающей борьбе за повышение уровня образования, обеспечение необходимыми школьными помещениями и учебниками, в попытках любой ценой вырвать у министерства и местных властей дополнительные средства для повышения зарплаты низкооплачиваемым учителям. До 1874 года Илья Николаевич один инспектировал работу всех училищ Симбирской губернии, проводя огромное количество времени в пути, причем в большинстве случаев передвигаясь верхом по скверным дорогам российской глубинки. В 1874 году у него появились помощники, и теперь время от времени Илья Николаевич мог позволить себе проводить занятия в классах, подменяя заболевших учителей.

Россией владела страсть к начальному обучению. Такие передовые, просвещенные дворяне, как Лев Толстой и Николай Корф, руководили школами в своих имениях. Илья Ульянов с большим вниманием относился к любому свежему педагогическому эксперименту. Его собственное происхождение объясняет ту особую заботу, которую он проявлял к нерусским детям (часть населения провинциальной России составляли татары и финны), защищал их права на получение образования, настаивая на обучении не только на русском, но и на их собственном языке. С преподавателями он был строг, но справедлив. Одним словом, он являл собой идеальный образец преданного делу, гуманного руководителя и педагога.

Многие современники Ильи Николаевича, которые подобно ему способствовали развитию начального образования, в 60-х и 70-х годах оказались вовлеченными в радикальные революционные движения. А вот Ульянов, при всем старании советских авторов, никак не ассоциировался ни с какой формой политического протеста. Анна вспоминает, как отец пел запрещенные революционные песни. Мариэтта Шагинян говорит о связи Ульянова с прогрессивными кругами времен его студенчества. Советская энциклопедия беспардонно приписывает Илье Ульянову использование педагогических методов, рекомендованных революционными мыслителями Добролюбовым и Чернышевским. А теперь задумаемся: мог ли человек, заподозренный в малейшей нелояльности, быть назначен директором народных училищ в 1874 году? Те же самые источники свидетельствуют о его преданности режиму и церкви. Для Ильи Николаевича Александр II, освободивший крестьян, так до конца и оставался «царем-освободителем», а его убийство революционерами в 1881 году – национальным бедствием. Человеку с таким происхождением и характером, как у Ильи Ульянова, было естественным придержи-

³ Естественно, напрашивается вопрос: относились ли к интеллигенции полицейские и армейские офицеры? Нет, но сын любого из них, если бы стал, к примеру, юристом, мог бы приняться за изучение Дж. С. Милля и подвергнуть критике самодержавие. С другой стороны, князя Трубецкого, ставшего профессором университета и лидером конституционных демократов, несмотря на древний титул и владения, следует отнести к интеллигенции. Читатель, хотя и по другим причинам, возможно, разделит чувства Николая II, желавшего исключить слово «интеллигенция» из русского языка.

ваться умеренных взглядов и верить, что реформы, насаждаемые сверху, и развитие образования смогут вывести Россию из спячки.

Именно эту позицию, которую в свое время его знаменитый сын стал ненавидеть больше, чем любую форму консерватизма и реакции, разделяла большая часть российской интеллигенции 1860 – 1870-х годов. Поскольку мы рассматриваем 1917 год в качестве кульминационной точки российской истории, предшествующее столетие оценивается нами всего лишь как арена борьбы между реакционными и революционными силами, и зачастую мы не принимаем во внимание многочисленных Ульяновых, которые пусть и не столь драматическим способом, но боролись за иное решение вопроса.

По всей видимости, последовавшие за 1881-м годы дались либерально настроенному чиновнику чрезвычайно тяжело. В сфере образования особенно отчетливо ощущался взятый властями курс на реакцию. Программа средней школы стала более традиционной; по возможности были исключены науки, способствующие зарождению вольнодумства среди студенчества. Высказывалось сомнение относительно желательности всеобщего начального образования. Министр народного просвещения открыто заявил о непозволительной глупости и даже вреде, нанесенном в результате обучения «детям кухарок» (не требуется большого ума, чтобы понять, что отнюдь не «дети кухарок» были в авангарде революционного движения). Теперь в образовании основной упор делался на церковно-приходские школы; народным школам по большей части не уделялось никакого внимания. Последние четыре года жизни Ильи Николаевича прошли в неустанной борьбе, в атмосфере, не оставляющей надежд на выполнение обещаний, данных в 70-х годах, он, как говорится, «шел против течения». Ко всему прочему, его не оставляло беспокойство в отношении старшего сына. С тех пор как в 1883 году Александр стал заниматься наукой в Санкт-Петербургском университете, его взгляды, круг его общения являлись источником все увеличивающегося беспокойства Ильи Николаевича. Перед смертью он просил Анну уговорить Александра позаботиться о себе, «исключительно ради нас». В январе 1886 года Илья Николаевич скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг.

На одной из сохранившихся фотографий изображен Илья Николаевич с женой и детьми. В центре возвышается монолитная фигура главы семейства, рядом два старших сына в форме гимназистов. Борода и гладкий череп еще больше подчеркивают строгое выражение лица Ильи Николаевича. На другой фотографии, где директор народных училищ сидит в окружении подчиненных – пяти школьных инспекторов, он также серьезен и не улыбаясь.

В описании жизни семьи Ульяновых обычно используются приторно-слащавые тона. Родители любили, но не баловали детей. Дети, в свою очередь, отвечали им взаимностью, и, кроме того, каждый из детей испытывал особую привязанность к ближайшему по возрасту брату или сестре, не обделяя при этом остальных. Не добавит ли еще, что Ульяновы с раннего возраста проявляли самостоятельность и помогали по дому? В попытке представить семью Ульяновых примером для подражания молодежи советские авторы утверждали, что в этой семье не было места конфликтам, тревогам и разочарованиям, свойственным даже самым счастливым семьям.

Некоторые легенды столь неправдоподобны, что не вызывают ничего, кроме недоумения. К ним относится история о том, как юный Ленин порвал с религией. Илья Николаевич в присутствии Володи пожаловался приехавшему к ним в дом чиновнику («высокому чину из министерства»), что его дети неохотно посещают церковь. «Так надобно их пороть», – посоветовал этот реакционер, глядя в упор на юного Владимира. Разгневанный Володя выбежал из комнаты, сорвал с шеи и отшвырнул крест. С этого момента он навсегда отказался от религии. Не надо знать слишком много об обычаях, царивших в России XIX века, чтобы понимать, что человек уровня и воспитания Ильи Николаевича не стал бы обсуждать семейные проблемы со случайным посетителем и уж тем паче использовать порку как средство наказания своих детей. Кроме того, советскому читателю следует знать: при заполнении партийной анкеты Ленин ука-

зал, что до шестнадцати лет сохранял религиозные убеждения, то есть еще какое-то время после смерти отца. Насколько нам известно, Ульяновы были крепкой, счастливой семьей. Но это вовсе не говорит о той невероятной близости, которую советские моралисты и американские «советники по делам семьи» трактуют как идеальную ячейку общества. Это была типичная интеллигентная семья. Прежде всего родители пытались воспитать в детях любовь к знаниям, и результат налицо: все дети прекрасно учились.⁴

Летние каникулы приносили избавление от гнетущей атмосферы, царящей в учебных заведениях, и давали выход возвышенным мыслям. От отца Мария Александровна унаследовала имение и землю в деревне Кокушкино. Там молодые Ульяновы великолепно проводили время в обществе (безусловно, не столь интеллектуально развитых, как они) двоюродных сестер и братьев. Один из них вспоминал, как Володя, устроив ему в буквальном смысле экзамен по русской литературе, отругал за то, что он не читал Тургенева. Через всю жизнь Ленин пронес любовь к книгам и провинции. Спустя годы он, слегка преувеличивая, сказал соратнику по партии: «Я тоже сын помещика». Не приходится удивляться, что Кокушкино, связанное с удовольствиями и веселым досугом, вызывало у детей естественный восторг.

Согласно семейным преданиям, Александру приписываются черты, характерные для старшего сына и свойственные революционному герою. Со временем его серьезность должна была перейти в меланхолию. Александра с большим трудом удавалось оторвать от учебы, даже на еду. Если кто-то из братьев или сестер был невнимателен по отношению к родителям, Александр требовал, чтобы виновный немедленно принес извинения. На вопрос сестры, кто для него является идеалом женской красоты, Александр не задумываясь ответил: «Мама». Формальная дисциплина гимназии вызывала у него сильную неприязнь, и он очень рано осознал ту персональную причастность к литературе, на которой оставил неизгладимый след российский радикализм того времени. По свидетельству Анны, в тринадцатилетнем возрасте Александр обнаружил неприятные черты характера у князя Андрея и Пьера из «Войны и мира», впрочем, ему казалось, что этот знаменитый роман в недостаточной мере затрагивает социальные вопросы. Он проглатывал произведения современных радикальных, революционных авторов, таких, как Писарев и Чернышевский. Учась в старших классах, Александр сделал в одной из комнат дома Ульяновых химическую лабораторию и с большой неохотой покидал ее. Родители зачастую просили Анну соблазнить брата игрой в крикет или прогулкой, только чтобы заставить его выйти из лаборатории. Вот кто уж точно сошел со страниц тургеневских произведений!

В отличие от брата юный Ленин был шаловлив и проказлив. Гораздо более, чем наука, его влекли история и языки. Володе нравилось дразнить излишне серьезного старшего брата. Заявление, что братья были невероятно близки и Владимир разделял политические взгляды и социальную озабоченность старшего брата, является, безусловно, чистейшей выдумкой. В юном возрасте разница в четыре года кажется огромной: разный круг друзей и различные интересы (даже у братьев, особенно с такими непохожими характерами, как у Александра и Владимира). Есть все основания полагать, что радикализм Ленина развился после смерти Александра. До шестнадцати лет Володя Ульянов все еще оставался верующим человеком, в то время как в Санкт-Петербурге его старший брат занимался наукой и принимал участие в политических акциях, которые в конечном счете привели его к эшафоту.

Со смертью Ильи Николаевича помимо всего прочего пошатнулось финансовое положение семьи. Она была вынуждена подать прошение о назначении пенсии и просить, поскольку даже самое законное ходатайство известная своей волокитой царская бюрократическая

⁴ В гимназии у Владимира Ульянова по всем предметам, кроме одного, была оценка «отлично». Это обстоятельство постоянно мучило советских историографов: почему по логике у Ленина было только «очень хорошо»? Напрашивался естественный ответ: преподаватель полагал, что по его предмету никто не мог иметь «отлично». К тому же учебник по логике был написан «исходя из антиматериалистической точки зрения».

система рассматривала крайне долго, о немедленном предоставлении финансовой помощи. Мария Александровна была волевой женщиной, о чем свидетельствует ее поведение после смерти мужа. Опасаясь расстроить Александра в период подготовки к экзаменам, Мария Александровна не стала телеграфировать ему о смерти отца. Она отправила письмо племяннице с просьбой известить сына о случившемся горе. Не менее важным является и такой штрих к портрету Марии Александровны: она категорически отказалась от предложения Анны бросить учебу в столице и вернуться домой, чтобы помочь заботиться о младших детях. Мария Александровна была предана идее о превалирующей важности образования.

Прошло чуть больше года после смерти мужа, и еще более страшный удар постиг эту женщину, на протяжении долгих лет (она умерла в 1916 году в возрасте 81 года) переносившую аресты, изгнания и смерть детей: в тюрьму, по обвинению в заговоре против императора Александра III, попадает старший сын – Александр. Группа революционно настроенных студентов, отвергнув другие формы политической деятельности, решила последовать примеру террористов, убивших в 1881 году отца Александра III. Правда, на этот раз непрофессионально подготовленный террористический акт вошел в историю под названием «Дело от 1 марта 1887 года». Организаторы, явные дилетанты в проведении подобного рода акций, в отличие от предшественников – представителей широкомасштабного движения, составляли всего лишь небольшую группу. Получив известие, Мария Александровна тут же помчалась в столицу, но ей не удалось убедить сына признать свою вину и просить о помиловании.

В 1881 году осужденные за терроризм установили правила поведения революционера в подобной ситуации: обвиняемый не имеет права снимать с себя ответственность за террор и добиваться смягчающих вину обстоятельств. Ему следует воспользоваться появлением в суде, чтобы выдвинуть обвинение режиму самодержавия; правительство должно понять, что запрещение свобод вызовет еще более мощную волну террора. Речь Александра являла собой трагическое сочетание простодушия, наивности и героизма:

«...Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать...»

И это не сантименты, а заявление революционера, следующего этой политической философии, который утверждает, что действует ради угнетенного большинства. Александр точно указал причину трагедии русской интеллигенции: «Нам рекомендуют развивать (наши) интеллектуальные способности, но не позволяют использовать их на благо нашей страны».

Среди основных достоинств Марии Александровны следует отметить полное отсутствие какой-либо театральности. Ее рассказы о свиданиях с сыном впечатляют именно простотой изложения. Во время первой встречи сын кричал, просил у матери прощения и напоминал, что у нее есть еще пятеро детей. Несмотря на просьбы матери, поддержанные сочувствующими чиновниками, после объявления смертного приговора Александр не смог заставить себя просить прощения. Что скажут люди, если, взяв на себя ответственность за организацию заговора, он теперь станет взывать о милосердии? Разве не естественно поплатиться собственной жизнью за желание отнять чужую жизнь? Помилование означало пожизненное заключение, «где позволено читать только духовные книги». В таком случае он бы лишился рассудка. «Ты желаешь этого для меня, мама?» В конце концов Александра уговорили попросить прощения. Как правило, советские официальные источники опускают этот факт из биографии Александра Ульянова.⁵

Молодость Александра (ему шел двадцать первый год), тот факт, что другой (старше его) организатор заговора был приговорен к пожизненному заключению, возможно, вселяли надежду. Однако, несмотря на то что сам Александр III нашел откровенность своего потенци-

⁵ См.: Ульянов А.М. Сборник. М., 1927. С. 346.

ального убийцы «даже привлекательной», приговор остался в силе, и 8 мая 1887 года Александр Ульянов был казнен через повешение.

Спустя годы, уже в эпоху существования Советского Союза, после смерти Ленина, его сестры и вдова Крупская смогли оценить влияние смерти Александра на семнадцатилетнего Владимира. Нет ничего странного в том, что Анна Ульянова сподобилась начать воспоминания о своем брате со слов «Наш вождь Владимир Ильич Ленин родился...»; ее основная задача – использовать в пропагандистских целях (во благо советского народа) историю с Александром. Хотя марксизм отрицает индивидуальный террор как средство политической борьбы, однако Анна фактически изображает Александра марксистом, который помог брату сделать первые шаги на пути к большевизму. Анну не смущает тот факт, что слова Александра, произнесенные им во время суда, наглядно показывают, насколько он был далек от основополагающих концепций марксизма. Столь же неприятны попытки (не говоря уже о том, что это неуважительно по отношению к памяти братьев) наиболее близких людей, Крупской и младшей сестры Ленина, Марии Ильиничны, представить историю таким образом: якобы в тот момент, когда Ленин услышал о казни брата, в его голове зародилась мысль о большевизме. Выступая 7 февраля 1924 года на торжественной сессии Московского Совета, посвященной памяти В.И. Ленина, Мария Ильинична пустила в обращение наиболее часто повторяемую историю. Услышав о казни брата, Владимир якобы сказал: «Мы пойдем другим путем» (заметим, что в это время Марии Ульяновой было всего лишь девять лет). По собственному признанию Ленина, до 1889 года он и не помышлял о марксизме.

Вне всякого сомнения, смерть брата явилась страшным ударом для младшего. Да, в детстве было всякое – и соперничество, и ссоры, но Владимир был очень привязан к старшему брату; у него вообще были сильно развиты родственные чувства. Достаточно трудно, и не только из-за тенденциозности информации, но и благодаря сдержанности Ленина, старательно скрывавшего свои чувства, определить степень влияния этой личной трагедии на формирование убеждений и развитие личности Володи Ульянова. Спустя годы, уже в связи с другим актом политического террора, Ленин писал: «Весь опыт российского революционного движения ясно доказывает абсолютную бесполезность террора». И далее: «индивидуальные террористические акты... создают всего лишь недолговечную сенсацию и ведут в конечном счете к равнодушию, к пассивному ожиданию следующей «сенсации». Этой фразой Ленин, похоже, приносит извинение за террористический акт пятнадцатилетней давности.

Среди университетских знакомых Александра был Сергей Ольденбург (впоследствии известный востоковед), запомнивший интересный случай. В 1891 году, будучи в Санкт-Петербурге, Ленин зашел к нему поговорить об Александре. Он был так напряжен и взволнован, что казалось, вновь переживает былую трагедию. Ольденбурга особенно поразило тот факт, что Владимир не захотел говорить о политической деятельности и личных делах брата. Все его вопросы касались исключительно научной деятельности Александра. Ему хотелось получить подтверждение того, что брат был всерьез увлечен наукой и его исследования в области биологии имели научную ценность.

Есть множество объяснений этой истории. Возможно, Ленин пытался понять, не явился ли уход брата в политику результатом разочарования в науке. А может, хотел удостовериться, что, несмотря на бесполезный поступок и безвременную кончину, жизнь брата не прошла впустую. Безусловно, Ленин рассматривал индивидуальный террор как форму невротического потворства собственным амбициям некоторой части интеллигенции, идущей от нежелания заниматься реальной политической деятельностью. Судьба собственного брата спровоцировала интерес Ленина к социальным вопросам. Мы обладаем достоверной информацией, что лишь начиная с 1887 года Владимир приступил к изучению радикальной литературы, причем отдался этому занятию с той же страстью, с какой до этого изучал историю и языки.

Пока Александр ожидал приговора суда, Владимир заканчивал восьмой, последний учебный год в Симбирской гимназии. Для юноши окончание средней школы являлось серьезным, а зачастую эмоционально травмирующим переживанием. Требовалось не просто успешно окончить последний класс, но, кроме того, сдать выпускные экзамены по нескольким дисциплинам. Эти экзамены, письменные и устные, так называемое «испытание зрелости», состояли из вопросов и заданий, разработанных Министерством просвещения или профессорами местного университета. Все обставлялось таким образом, чтобы выпускники испытывали страх перед экзаменами. Содержание экзаменационных вопросов держалось в строгой тайне; экзамены проходили в закрытых помещениях; достаточно было одной неудовлетворительной оценки, чтобы выпускник уже не имел права продолжить дальнейшее обучение. По сравнению с российскими выпускными экзаменами американские и английские кажутся невинной забавой. Зачастую у экзаменующихся, а им было всего лишь по восемнадцать – девятнадцать лет, случались нервные срывы.

Владимир Ульянов окончил гимназию с оценкой «отлично» по всем предметам, включая религию. Исключение, как уже говорилось ранее, составляла логика. К аттестату об окончании гимназии шло приложение, включавшее разделы «поведение в классе», «интерес к учебе» и тому подобное. Согласно документам, Володя Ульянов являлся «образцовым» учеником. Письменные экзамены совпали по времени с казнью старшего брата. Володя отлично сдал экзамены и как первый ученик в классе получил золотую медаль об окончании Симбирской гимназии (Александр и Анна тоже окончили гимназию с золотой медалью).

История, связанная с трудностями, возникшими при получении золотой медали и поступлении в университет, является очередной выдумкой советских биографов.

Исходя из чисто практических соображений, царское правительство не могло позволить себе применять политику репрессий против родственников политических преступников. Подобные действия могли лишить представителей наиболее выдающихся российских фамилий возможности продолжить образование в высших учебных заведениях и стать государственными служащими. Но стоило Ленину попасть в беду, и дело брата явилось бы подтверждением его политической неблагонадежности. Не раньше. Симбирск был небольшим городом, и вполне естественно, что трусливые представители местной интеллигенции стали избегать семью потенциального царевубийцы. Но, по мнению многих, даже консервативно настроенных граждан, на долю трудолюбивой, жившей по христианским законам семьи выпало страшное горе.

Среди тех, кто лояльно относился к семье Ульяновых, был Федор Керенский, директор Симбирской гимназии (по иронии судьбы отец того Керенского, которого Ленин впоследствии лишил возможности руководить Российским государством). В период выпускных экзаменов Керенский выказывал особую симпатию Владимиру и выражал сочувствие семье Ульяновых. Владимир Ульянов был объявлен чрезвычайно талантливым учеником, а его поведение за все восемь лет обучения в гимназии было достойно похвалы.⁶

Положительные качества Владимира, по словам Керенского, являются результатом его нравственного и духовного воспитания. Единственным недостатком юноши была чрезмерная замкнутость; доказательством служило отсутствие друзей среди сверстников.

Для продолжения учебы Владимир Ульянов выбрал Казанский университет. Маловероятно, что путь в столичные университеты для Ульянова был закрыт. Два года спустя младшая сестра Владимира, Ольга, продолжила учебу в Санкт-Петербурге. Просто Мария Александровна хотела в период учебы быть рядом с сыном (отчасти по совету Керенского),

⁶ Анна Ульянова, комментируя этот момент в биографии Ленина, считает своим долгом защитить брата от невысказанного подозрения в буржуазном резонансе: он был способным, но шаловливым учеником, насмехался над некоторыми из своих товарищей и учителей.

а Кокушкино (родовое имение Ульяновых) находилось недалеко от Казани. Существовала надежда, что влияние матери уберезет Владимира от неприятностей; семья стремилась уехать из Симбирска, подальше от печальных воспоминаний.

После жесткого режима гимназии для большинства российских студентов университет являлся олицетворением мира опьяняющей свободы. Этот контраст практически недоступен пониманию среднестатистического английского или американского студента. Выходя из-под контроля родителей и учителей, студент начинал самостоятельную жизнь. Жесткая дисциплина и зубрежка уступали место свободному посещению лекций и самоподготовке. И что важнее всего, университет в условиях самодержавия был оазисом свободы слова и мысли. Очень быстро студенты поняли, что являются изолированной от общества социальной группой, не зависящей от государственной бюрократической машины и суеверия масс. Это позволило им потребовать немислимых с точки зрения самодержавия прав и свобод. Образованные люди, даже те, кто придерживался умеренных взглядов, очень надеялись, что студенты восстанут против власти. Когда в 1886 году Александр III посетил Московский университет и молодежь встретила его цветами и аплодисментами, все чувствовали, что было в этом нечто постыдное.

Нет ничего удивительного в том, что обстановка в университетах не устраивала власти. По их мнению, большая часть революционных волнений 1860 – 1870-х годов произошла в результате ненормального (в условиях самодержавия) положения, сложившегося в университетах. Не было таких намерений, да и не по силам было авторитарному режиму XIX века добиться от молодежи подчинения строгой регламентации жизни. Репрессивные меры предпринимались больше с целью подчеркнуть, нежели обуздать бунтарский дух молодежи. Таким образом, с помощью закона 1884 года делалась попытка не допустить «эксцессов» в университетской среде. Теперь от каждого студента требовалось письменное обязательство не становиться членом какого-либо запрещенного общества. С незапамятных времен русские «сердитые молодые люди» одевались бедно, тем самым демонстрируя свое презрение в адрес лицемерного, опутанного условностями общества; теперь студентов, как гимназистов, обязали носить форму. Правительство подчеркивало роль студенческого инспектора, государственного чиновника, совмещавшего функции декана и полицейского надзирателя. Можно себе представить, какие чувства вызывал этот чиновник у студентов! «Встаньте, господа, правительство возвращается!» – под таким заголовком вышла передовица, приветствующая новую «реформу». Результаты не замедлили сказаться, но теперь все обошлось без цветов и рукоплесканий.

Осенью 1887 года Владимир Ульянов подписал требуемые обязательства и был зачислен на юридический факультет Казанского университета. Такой выбор разочаровал его учителей, ожидавших, что их выдающийся ученик продолжит изучение истории и языков. Ленин, по всей видимости, решил, что на поприще юриста больше возможностей для карьерного роста. Вне всяких сомнений, Ленин имел все необходимые качества – способность проникнуть в самую суть предмета, ясный ум, интуицию, – чтобы стать превосходным юристом. Он на всю жизнь сохранил знания, полученные при изучении юриспруденции и за недолгую практическую деятельность в качестве юриста. В разгар революции и Гражданской войны оратора, предложившего закон о «классовой справедливости», поразило возражение Ленина: «Это незаконно. Вас можно привлечь в судебном порядке». Характерно, что впоследствии ни одна профессия не вызывала в нем больше отвращения, чем профессия юриста. А с каким презрением и даже гневом он говорил о «беспристрастном буржуазном» правосудии!

Проведенные исследования контингента учащихся показали, что образование в России в 1880-х годах не являлось исключительной привилегией высших слоев общества. Из 916 студентов, обучавшихся в 1887/88 учебном году в Казанском университете, 95 были детьми крестьян и казаков, 189 – из мещан и цеховых, 101 – из духовенства, 298 – детьми чиновников и военнослужащих, 99 – из дворян, 92 – из купеческого звания и почетного гражданства, 16

– из солдатских детей, иностранными подданными – 2, из разночинцев – 24 человека. Глядя на эту статистику, становится совершенно ясно, что не могло идти никакой речи о равенстве образовательных возможностей; Россия была аграрной страной, и, естественно, подавляющую часть населения составляли крестьяне.⁷

Самую многочисленную группу студентов составляли дети государственных служащих (к ним относился Ленин) и сравнительно небольшую представители «истинного» дворянства.

Обычный студент Казанского университета вряд ли был богатым человеком. Реформы 1880-х годов повлекли за собой увеличение платы за обучение, вызвавшее волнения в студенческой среде. По мнению правительства, университеты следовали дурной традиции. Каракозов, выпускник Казанского университета, стрелявший в 1866 году в императора Александра II, положил начало кампании политического террора, достигшей кульминации в 1881 году (убийство Александра II). Подрывная деятельность исходила из студенческих кварталов; даже в местном институте акушерства была найдена революционная литература. Но совершенно ясно, что основной причиной студенческих беспорядков являлась естественная реакция на установленный надзор со стороны властей и вмешательство в частную жизнь. Не много потребовалось, чтобы спровоцировать мятеж, положивший конец университетской карьере Владимира Ульянова.

Первые волнения начались в Москве. Там во время концерта студент дал пощечину надзирающему инспектору. Власти отреагировали с привычной суровостью. Виновный в содеянном был в административном порядке приговорен к трем годам несения службы в штрафном батальоне. Вслед за этим прошла волна студенческих протестов и демонстраций (одну разогнали с помощью солдат). Истории, связанные со зверствами полиции, облетели все учебные заведения России. Представители Москвы (деятельность университета была приостановлена) прибыли в Казань, чтобы убедить товарищей поддержать их выступления. Разговор шел о произволе в отношении пострадавшего студента и защите прав университетов: «Неужели мы не защитим права наших университетов? Мы верим в студентов Казани и призываем их открыто выразить свой протест в стенах университета».

Ленин спокойно продолжал занятия, и, что довольно любопытно, в число выбранных им предметов входила теология. Но 16 декабря он оказался в толпе студентов, собравшихся, чтобы выразить протест в связи с оскорблениями, которым подверглось московское студенчество, и потребовать от правительства изменения законов об учебных заведениях. Поначалу митингующие просто были в несколько возбужденном состоянии. Их действия никак не походили на хулиганские (если не считать сломанной двери в конференц-зале). Делегация студентов ветеринарного института, поспешившие выразить свою солидарность с университетом, была встречена «братскими объятиями и поцелуями». Но появление инспектора резко изменило ситуацию. Забыв об аналогичном инциденте, этот чиновник предстал перед толпой и приказал разойтись. При виде ненавистного надзирателя раздались крики: «Бей его!» И как вы уже могли догадаться, инспектора избили и вышвырнули вон. Затем наступила очередь профессоров университета. Они обратились к студентам с просьбой прекратить беспорядки: «В храме науки нет места для беспорядков... Вы пришли сюда учиться». Эта речь произвела такое же впечатление, как и все подобные речи в схожих обстоятельствах.

Опьяненные собственной смелостью студенты вынесли ряд резолюций. Часть была вполне приемлемой, но большинство решений, безусловно, привело бы современных университетских профессоров (и американских, и российских) в содрогание. Студенты выдвинули следующие требования: передать руководство университетом профессорскому совету, исключая вмешательство министерства; ликвидировать контроль за частной жизнью: предоставить право собраний и возможность обращения с петициями. Решение вопросов о распределении

⁷ Статистические данные взяты из советских источников.

стипендий и дотаций поручить избранным представителям студентов. И наконец, наказать «тех должностных лиц, которые преднамеренно, или в силу халатности, допустили... жестокие действия в отношении наших московских товарищей».

Власти ответили арестами предполагаемых руководителей беспорядков, и около сотни студентов были либо исключены из университета, либо их попросили уйти. На два месяца были приостановлены занятия.

Оказавшись среди задержанных, Владимир Ульянов два дня провел в тюрьме. Он попал в число первых сорока пяти студентов, исключенных из университета. Владимир заявил, что во время студенческих выступлений бежал по коридору, «кричал и размахивал руками». Если все было именно так, то он явно повел себя несвойственным для него образом. Ни до этого случая, ни после он не становился частью орущей толпы. Вероятно, благодаря рыжим волосам он выделялся в беспорядочно движущейся студенческой толпе. Следовало наказать зачинщиков беспорядка, но, как известно, в такой ситуации найти истинных руководителей практически не представляется возможным. Фамилия Ульянов вызывала конкретные ассоциации, и Владимир Ильич впервые попадает в тюрьму. В результате за коллективную вину понесли наказание первые попавшиеся под руку студенты; они были исключены из университета (студенты, избившие инспектора, подверглись особому наказанию). Даже при таком раскладе для большинства студентов исключение не являлось трагическим событием. Спустя несколько месяцев, от силы год, им разрешалось вернуться, чтобы продолжить учебу. Совсем не обязательно, что они получали в документах пометку о неблагонадежности. Поскольку студенческие беспорядки были широко распространенным явлением, большинству участников, в то или иное время исключенных из университета и даже сидевших в тюрьме, удавалось стать уважаемым врачом, юристом, а иногда и высокопоставленным чиновником. Но Владимиру Ульянову обратный путь в университет был закрыт на три года, и не потому, что он был виновен более других, а только лишь из-за того, что был братом Александра.

Либеральное общество Казани, в особенности его женская часть, приветствовало исключенных студентов как истинных мучеников за свободу. За то короткое время, что они провели в тюрьме, их умудрились засыпать подарками, продуктами и даже деньгами. Когда их отпустили и приказали покинуть Казань, отъезд в лоно семьи напоминал демонстрацию. Улицы были заполнены сочувствующими, одобрительными возгласами выражавшими поддержку молодым героям. Те, в свою очередь, приветствовали друзей и родственников и даже бросали в толпу отпечатанные на мимеографе листовки. Одна начиналась словами: «Прощай, Казань!.. Прощай, университет!..» и далее: «Мы думали, что здесь, в храме науки, мы найдем те знания, опираясь на которые мы могли бы войти в жизнь борцами за счастье и благо нашей измученной родины! <...> Но с чем же столкнулись мы здесь? <...> Навстречу нам шла та «наука ради науки», которую так яростно защищали некоторые из господ профессоров...»

Вместе с матерью Ленин уехал в имение в Кокушкино – восхитительное место для летнего отдыха, чего нельзя сказать о зимней поре. Затем Мария Александровна вернулась в Казань, чтобы, собрав младших детей, присоединиться к Владимиру и Анне, также жившей в Кокушкине по приказу полиции.

Ленин признавался, что еще никогда не читал так много и увлеченно, как во время вынужденного пребывания в Кокушкине. Он читал специальную литературу, поскольку надеялся на восстановление в университете, но она составляла только какую-то часть поглощаемых им с жадностью книг. Он впервые увлекся литературой по социальным и политическим вопросам. Уже упоминалось, что до смерти брата Ленин не выказывал интереса к политике. Он, как и большинство его ровесников-гимназистов, вероятно, читал запрещенную литературу. Но Ленин смолodu выработал привычку к методичному изучению, нечто вроде зубрежки, тех предметов, с которыми сталкивался впервые. Вынужденное бездействие дало возможность погрузиться в многообразие русской литературы по заинтересовавшим его вопросам. В домаш-

ней библиотеке имения Владимир обнаружил не только книги, но и подшивки таких известных литературных и общественных журналов, как «Современник» и «Европейский вестник». Зимой 1887/88 года в Кокушкине Владимир приступил к изучению революционных идей. Он подпал под чары Чернышевского, побудившие многих предшественников и современников Ленина вступить на революционный путь. До конца жизни Ленин не расставался с Чернышевским. «От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве и литературе... Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант меня покорили».⁸

Владимир не впервые столкнулся с этим фанатичным, бескомпромиссным революционером, с этим ярым противником либерализма. Он уже читал его потрясающий роман «Что делать?». Тогда роман не произвел на юношу никакого впечатления. Теперь, после повторного чтения романа, у него открылись глаза. Именно Чернышевскому более, чем кому-либо другому (не считая Маркса), Ленин был обязан решением стать революционером.

Исключение из университета явилось для Владимира первым личным опытом столкновения с несправедливой и грубой политической системой России. Надо понимать, какой удар был нанесен юношескому самолюбию, возможно, даже более сильный, чем известие о казни брата. До исключения из университета Владимир Ульянов уклонялся от политики, и, принимая участие в студенческих беспорядках, он, как, впрочем, и большинство студентов, не преследовал никаких целей. А теперь он попал под наблюдение полиции и оказался под домашним арестом. Ульянов, в отличие от большинства виновных в студенческих беспорядках, которым позволили продолжить учебу в университете, в течение трех лет неизменно получал отказы на прошения о пересмотре дела. Можно представить, с каким чувством Владимир Ульянов писал следующее:

*«Его Высокопревосходительству
господину Министру народного просвещения
бывшего студента Императорского
Казанского университета Владимира Ульянова*

ПРОШЕНИЕ

Желая получить возможность продолжать свое образование, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне поступление в Императорский Казанский университет».

Но все усилия Владимира и его матери были тщетны. Власти Казани раз и навсегда стали отождествлять Владимира Ульянова с братом-террористом. Теперь он выступал чуть ли не в роли одного из зачинщиков студенческих беспорядков. Тупоумный полицейский чиновник умудрился написать, что Владимир Ульянов «активно участвовал, а *вероятно, даже и теперь* (в Кокушкине, что ли?! – *Примеч. авт.*) занимается организацией революционных кружков, объединяющих казанскую молодежь». Но даже самые усердные в своем рвении советские историки не смогли выявить «революционный кружок», который бы до исключения из университета посещал Ленин. Полицейский чиновник, подобно своим преемникам эпохи сталинизма, должен был представить доказательства «бдительности» и способности к обнаружению подрывных элементов. Руководство университета, в свою очередь, стремилось избавиться от зачинщиков студенческих беспорядков.

Министр народного просвещения отказал Владимиру Ульянову в восстановлении в университете. Министр внутренних дел отказал в просьбе выехать за границу для продолжения

⁸ Шанский А.И. Молодые годы В.И. Ленина. М., 1957. С. 285.

учебы. В ответ на повторную просьбу о выезде за границу по состоянию здоровья, на воды в Виши, Ульяновым порекомендовали отправиться на превосходные кавказские курорты. Владимир Ульянов попал в список тех, кто мог поступить на государственную службу только по специальному разрешению. Жизненные обстоятельства и собственные убеждения толкнули Ленина на единственно возможный для него путь – в революцию.

Часть вторая

Революционные традиции

Глава 1

Декабристы

Отказываясь присягать императору Николаю I, 14 декабря 1825 года часть войск Санкт-Петербургского гарнизона подняла мятеж. Точнее говоря, офицеры заведомо ввели солдат в заблуждение, заверив, что новый император является узурпатором и готов с оружием в руках бороться за восшествие на престол. Офицеры-заговорщики, ради совершения революционного переворота воспользовавшиеся невежеством своих солдат и их привычкой к повиновению, вошли в историю под названием «декабристы».

Историю декабристов, строго говоря, нельзя соотносить с революционными традициями России. Однако, только разобравшись с действиями этой удивительной группы мужчин, принадлежавших к привилегированному классу общества, но, тем не менее, выступивших против существующего режима, можно понять многие события российской истории. В России начиная с декабря 1825 года разногласия между обществом и правительством, так до конца и не улаженные, легли в основу революционных выступлений. Итог всем выступлениям подвел октябрьский день 1917 года, когда с помощью вооруженного восстания, на этот раз успешного, Владимир Ленин встал во главе государства, установившего советский режим правления.

Все без исключения заговорщики являлись членами тайных обществ, появившихся в большом количестве после окончания войн с Наполеоном. Опьянение войной с французами, победное шествие по Европе сменились серыми буднями гарнизонной жизни. Вполне естественно, что молодые, наиболее энергичные офицеры стремились создать сообщества, где бы удалось найти выход обуревавшим их идеям. Война, завершившаяся победой, как это ни парадоксально, пошатнула царский режим; молодые, впечатлительные люди столкнулись с развитой и неизмеримо более свободной, нежели в России, культурой Запада. (Спустя более сотни лет, после победы русских в 1945 году, советское правительство сделало все возможное, чтобы оградить страну от проникновения западных идей и изолировать от общества тех, кто был готов к восприятию этих идей.) Офицеры не могли не обратить внимание на то, что, несмотря на поражение, во Франции не прекращалась культурная и общественная деятельность. Характерная черта России того времени – крепостничество для передового Запада было уже давно забытым понятием. Рабство и отсутствие индивидуальных прав и свобод, характеризовавшие царскую Россию, фактически отсутствовали в западном обществе, построенном на основе классовой системы.

Существовали и другие обстоятельства, заставившие молодых людей пуститься в опасное предприятие. Во время войны император Александр I выступал как олицетворение национального сопротивления французам, а затем как вершитель судьбы Европы. Правда, продолжалось это недолго; воодушевление сменилось упадком сил, а затем император впал в мистицизм. Его прежние планы по реформированию правительства и общества уступили место реакции и уверенности в том, что только армия и полиция способны сохранить статус-кво – существующее политическое и социальное отставание России. Послевоенные европейские договоры нанесли удар по национальной гордости России. Согласно решению Венского конгресса Финляндия и часть Польши в составе России получали автономию; император в них выступал как конституционный монарх. В России же он оставался абсолютным самодержцем.

В 1816 году в России появилось первое тайное общество. Оно было построено по типу масонских лож, в то время весьма активизировавших свою деятельность в России. На протяжении девятилетнего существования общество неоднократно преобразовывалось и меняло названия. В конечном счете оно разделилось на два общества: Северное, с центром в Санкт-Петербурге, и Южное – на базе Тульчинской управы, с центром в войсках 2-й армии на Украине. Основным стремлением членов тайных обществ являлось желание трудиться на благо и процветание своей страны, но самые горячие головы подумывали не только о *coup d'etat*, государственном перевороте, но даже об убийстве монарха. Любая организация, занимавшаяся обсуждением социальных и политических вопросов, учитывая особые условия в России в 1820-х годах (сохранившиеся вплоть до 1905 года), почти неизбежно должна была стать на противоправный путь, ведущий к революционному перевороту. В условиях абсолютизма не могло быть и речи о каких-либо, даже самых мягких, формах реформирования *status quo* – существующего положения. Растущее подозрение вызывали любые общественные организации. Это, в свою очередь, вело к тому, что шахматный клуб или литературный кружок являлся потенциальным источником подрывной деятельности. Поскольку сама мысль об умеренной реформе отождествлялась с изменой, время от времени даже люди самых что ни на есть умеренных политических взглядов склонялись к тому, что революция и террор могут рассматриваться как средство уничтожения наиболее явных социальных бед.

К этому порочному кругу добавился еще один, который, начиная с декабристов, определял все политические движения XIX столетия. Молодым аристократам приходилось признать, что их мечты о конституционной монархии и государственном перевороте не находят понимания и уж тем более поддержки у населения. В 1820-х годах в России отсутствовал средний класс, существовавший на Западе, и промышленный пролетариат, подобный тому, который уже развивался в Лондоне и Лионе. Основную массу населения России составляло неграмотное крестьянство, чересчур пассивное и ничего не смыслящее в политических выступлениях ради светлого будущего. Любая реформаторская и революционная деятельность неминуемо должна была перерасти в заговор, и доведенные до крайности заговорщики как к последнему средству должны были прибегнуть к радикальным мерам. Следовало поразить вершину пирамиды.

Царская семья была не в состоянии внушить уважение как государственный институт. Петр III, дедушка правящего монарха Александра I, был убит заговорщиками-дворянами при участии жены. Отец Александра I, Павел I, был убит с ведома сыновей, Александра I и его брата Константина. Однако хотя заговорщики неоднократно обсуждали убийство императора, множество причин мешало осуществлению их плана. Прежде всего, целью заговорщиков был не просто дворцовый переворот, предполагающий замену одного самодержца на другого, а изменение политической ситуации в России. Кроме того, почти все они были участниками войн с Наполеоном и служили под началом Александра I. Несмотря на усиление реакционной политики и то, что царь все больше стал напоминать своего безумного отца, он оставался тем, кто начал царствование с проведения либеральных реформ.

Но помимо преданности монарху и неприятия политических убийств, имелась еще одна, наиболее веская причина выжидательной позиции декабристов. Они были весьма далеки от создания действенной, скоординированной политической организации. Мотивы вступления людей в эту тайную организацию были весьма и весьма разнообразны. Кто-то не мог более терпеть грубость и жестокость воинской жизни, когда солдаты за малейшую провинность подвергались телесным наказаниям.⁹

Многих привело в организацию чувство дружбы и жажда приключений. Ни совместно выработанной идеологии, ни согласованного плана революционных действий, ни ясного пони-

⁹ В 1820 году караульная рота проявила неповиновение, после того как начальник караула, дав пощечину солдату, приказал роте последовать его примеру.

мания, какая форма правления требуется России, не было. Северное общество склонялось к идее конституционной монархии с ограничением привилегий. Членам Южного общества, придерживавшимся более радикальных взглядов, был ближе пример якобинцев времен французской революции. Вполне вероятно, что в случае удачи декабрьского восстания между этими двумя обществами разгорелся бы конфликт, а может, и гражданская война.

Радикальная философия Южного общества базировалась на идеях одного человека, полковника Павла Пестеля. Он, единственный из всех декабристов, может считаться прообразом будущих русских революционеров. Пестель рассматривал государственный переворот не только как способ свержения самодержавия, но и как возможность создания абсолютно другого типа государственного устройства. Интерпретируя идеи якобинцев, Пестель подошел к понятию социализма (на тот момент этого термина, как и самого движения, еще не существовало) настолько близко, насколько это было возможно в 1820-х годах в России.

Однако существуют и другие мнения относительно этого молодого офицера. Революционер и чиновник по своей сути, Пестель мало чем отличался от некоторых первых большевистских лидеров. Это, возможно, о нем воскликнул Ленин: «Поскоблите русского коммуниста, и вы обнаружите русского шовиниста». Немец по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, Пестель был ярким русским националистом, сторонником централизованного государства, готовым рассматривать православие в качестве государственной религии. По его теории подданные империи, исповедовавшие другую веру, должны были приспосабливаться; в противном случае их следовало рассматривать как иностранцев; евреев надлежало выдворить из России и части Польши, принадлежавшей России. Молодой законодатель так и не смог отстоять свое мнение; декабристы поддерживали отношения с польскими революционными организациями и рассчитывали на их поддержку. Но совершенно ясно, что он хотел, говоря современным языком, чтобы Польша стала государством-сателлитом.

Пестель изложил свои идеи с истинно немецким педантизмом в секретном проекте программы под названием «Русская правда». Согласно проекту Пестеля Россия должна была стать демократической республикой, и, по словам автора, «народу следовало сообщить о том, что он будет освобожден и чего ему следует ожидать». Когда после 1905 года наконец-то в России удалось опубликовать проект Пестеля, редактор в манере, присущей российской интеллигенции (он считал, что любые формы борьбы с самодержавием похвальны и заслуживают одобрения), писал: «Если что и может защитить Пестеля от клеветы и упреков в его адрес, так это величие его замысла, претворенного в грандиозный теоретический труд».¹⁰

Для того времени изобретательность автора, широта его интересов и в самом деле производили ошеломляющее впечатление. Пестель намеревался уничтожить крепостничество и покончить с классовыми различиями, связанными с происхождением. Он считал, что должна быть проведена национализация земель, и давал гарантию, что каждый гражданин сможет получить в пользование земельный надел, достаточный для поддержания семьи. Но он пошел дальше якобинцев, насколько это было возможно в 1820-х годах, по пути к тоталитарному государству. Одна из глав проекта посвящена необходимости создания тайной полиции и агентурной сети.¹¹

Пестель раздражается тирадами (здесь его подводит чувство юмора) против тайных союзов и заявляет, что, будь его право, запретил бы любые тайные организации. Излишне подробно останавливается на функциях полиции, ее численности и вопросе вознаграждения (педантичный немец, сидящий в Пестеле, заставляет его вдаваться в подробности, почему полицейские

¹⁰ См.: *Пестель УМ. Русская правда*. Под ред. П. Щеголева. СПб., 1906.

¹¹ После ареста Пестеля чтение отрывков, наподобие этого, вероятно, вызывало особое одобрение: «Секретные расследования и шпионаж не только позволительны и законны, но также крайне полезны, а возможно, являются даже единственным средством, с помощью которого служба порядка (полиция) сможет добиться своих целей».

должны быть более высоко оплачиваемыми, чем солдаты: откровенно говоря, их обязанности не столь почетны!).

Будем справедливы, реформатор начала XIX века не имел нашей сегодняшней возможности понять, что тирания во имя высоких идей будет скорее пагубно отражаться на свободе человека, чем стремиться к защите его законных интересов; на Западе до сих пор не все усвоили это правило. В качестве оправдания следует сказать, что в 1820 году Пестель не мог осознать столь необходимую связь между свободой и государственными законами. К тому же он продемонстрировал очевидные диктаторские замашки и амбиции. Парламентские институты Англии и Франции (как часто это будет повторяться русскими революционерами) существовали для установления господства высших классов. До наступления в России реальной демократии Пестель предусмотрел период диктатуры, и члены Северного общества предполагали, кто должен был стать диктатором. Пестель был ярким противником самодержавия и твердо придерживался мнения о необходимости не только полного уничтожения института самодержавия, но и физического истребления действующего императора, всех претендентов на трон и всего царствующего дома. Болезненно-обостренное чувство насилия, развитое в этом политическом мыслителе и теоретике, будет характерно для развития революционного движения в России.

Причиной восстания послужил ряд непредвиденных обстоятельств. В 1825 году Александр I, не достигший еще своего пятидесятилетия, внезапно умер. Официальным преемником должен был стать старший из его братьев, великий князь Константин. Унаследовавший более, чем ему причиталось, семейной «странности», к тому же состоящий в морганатическом браке, он отказался от своих прав на престол в пользу брата Николая. Смерть Александра, не оставившего прямых наследников (члены царской семьи знали о существовании тайного документа о назначении наследника, который не был обнародован), повергла империю в пучину беспорядков. Константин находился в это время на посту наместника Польши. Ожидая в Санкт-Петербурге отказа брата от прав на престолонаследие, Николай тем не менее провозглашает Константина царем и приводит войска к присяге ему. К этому времени пришел отказ, и поступил новый приказ о «переприсяге» Николаю 14 декабря. Заговорщикам была предоставлена уникальная возможность, воспользовавшись замешательством, связанным со столь необычным событием, претворить в жизнь свои планы.

Неудавшийся государственный переворот был не чем иным, как грубым обманом. Декабристы отдавали себе отчет, что их политические лозунги не найдут не то что поддержки, а даже понимания у широких слоев народных масс. Воспользовавшись невежеством солдат, заговорщики предприняли отчаянную попытку убедить их в том, что Константин не отказывался от престола, а его брат, Николай, незаконно захватил трон, заключив старшего брата в тюрьму. Само собой разумеется, что при существовавшем на тот период времени уровне связи не могло идти речи о синхронных действиях всех ветвей общества и тех, кто находился на Петровской (Сенатской) площади в Санкт-Петербурге. Несостоятельность и неуверенность заговорщиков (самые решительные находились далеко от столицы, в южных гарнизонах) с самого начала обрекли восстание на провал. Лишь часть столичного гарнизона, введенная в заблуждение, вышла на площадь воевать «за Константина»; восстание было подавлено артиллерийским огнем.

Хотя восстание продолжалось всего один день и было с легкостью подавлено, его последствия оказали серьезное влияние на тридцатилетнее царствование Николая I. Многие прогрессивные историки придерживались, вообще-то говоря, необоснованного мнения, что император был крайне встревожен этими событиями. Будь Николай (по натуре солдафон и диктатор) более демократичным, на него, безусловно, заговор произвел бы сильное впечатление. В течение нескольких дней после событий 14 декабря стало совершенно ясно, что в заговор были вовлечены не только горстка офицеров и их сторонники в Санкт-Петербурге, но большое коли-

чество людей по всей России. Среди них были представители самых знатных фамилий, начиная с князей Оболенского и Трубецкого, и наиболее перспективного офицерства. Поскольку теперь их знакомые и друзья составляли элиту русского общества, самодержавию, похоже, приходилось опасаться именно того самого класса, который, по сути, должен был являться его главной опорой. Жестокое обращение Николая с декабристами (многие историки увидели в этом проявление черт жестокосердного и хитроумного тирана) продемонстрировало, кроме всего прочего, элементы присущей ему истерии. Он лично беседовал со многими заключенными. Временами начинал злиться и осыпал их оскорблениями, а то вдруг переходил на дружеский, даже братский, тон. Император всея Руси не считал ниже своего достоинства лично отдавать распоряжения, как нужно обращаться с заключенными, следует ли их держать в цепях, пускать ли к ним посетителей. И действительно, после неудавшегося восстания он стал меньше похож на деспота, чем следователь внутренних органов тоталитарного государства в XX веке.

Пушкин передает поэтическое послание, пытаясь поддержать друзей-декабристов. Из сибирской ссылки один из них (Александр Одоевский) отвечает другу от имени декабристов, подчеркивая фразу – «из искры возгорится пламя». Первый печатный орган, издаваемый русскими революционерами в XX веке, «Искра», своим названием подчеркивал преемственность революционных традиций и неразрывную связь пролетариата с дворянами, которые почти век назад поднялись против самодержавия.

Конечно, это единение не означает единства мировоззрения. Большинство декабристов имели довольно слабое представление о политических и социальных стремлениях общества.

Находясь под следствием, они во всем сознались и многие отреклись от революционных целей, отдаваясь на милость императора. В большинстве случаев они отрекались от убеждений (по степени эмоциональности они перекликаются со сталинскими «чистками» 30-х годов) не из чувства страха или в надежде на смягчение приговора. Нет, это были мужественные люди. Просто многие декабристы не были в достаточной степени убеждены в справедливости своего дела и испытывали чувство вины перед друзьями и родными.

Судьба декабристов послужила стимулом для дальнейшего развития революционного движения. Как бы ни были они наивны, какими бы запутанными ни были их мотивы и сомнительными средства, они глубоко чувствовали несправедливость жизни. Уверенный в себе император, проводящий разумную политику, продемонстрировал бы снисходительность к людям, отрекшимся от своих убеждений и потерпевшим полное фиаско в своей попытке совершить государственный переворот. Их выступление, как и жестокость наказания, создало вокруг декабристов атмосферу мученичества; царское самодержавие навлекло на себя позор варварской расправой с восстанием. Надо сказать, что фактически никакого суда над декабристами не было. Следствие закончилось, но обвиняемые не получили возможности выступить в суде, у них не было ни адвокатов, ни какой-либо другой помощи. Пятерых декабристов приговорили к смертной казни через повешение; царь заменил первоначально вынесенный приговор о четвертовании.¹²

Но чувство жалости и сострадания к ста двадцати декабристам, осужденным на разные сроки на каторгу и поселение в Сибирь, затмило даже ужас, связанный с казнью, которая в России, в отличие от Запада, применялась в исключительных случаях при совершении наиболее тяжких преступлений. Многие были приговорены к пожизненному заключению. Жены могли последовать за мужьями только в том случае, если бросали детей, понимая, что никогда больше не вернутся домой. Кто-то оказался в Сибири просто потому, что некоторое время посещал тайное общество, хотя и не участвовал непосредственно в заговоре. Адские условия

¹² Как ни странно, учитывая жестокость российского уголовного законодательства, в те времена смертный приговор не входил в свод законов по религиозным соображениям. Существует легенда, что, когда у одного из осужденных оборвалась веревка и процедуру повешения пришлось повторить, он воскликнул: «Бедная Россия! Они даже повесить как следует не могут!»

труда определялись тяжестью вины заговорщиков. Наиболее выносливые из ссыльных приспособились к условиям жизни в Сибири, а вот слабые лишались рассудка или умирали. В 1856 году, после смерти Николая I, был издан манифест об амнистии декабристов, и оставшиеся в живых смогли вернуться в Европейскую Россию и воссоединиться с семьями. История декабристов и их семей не для одного поколения российского общества служила доказательством бесчеловечности системы, которая продолжала отыгрываться на людях, не представлявших никакой опасности.

Однако восстание декабристов явилось не просто человеческой трагедией. День 14 декабря наложил отпечаток на все царствование Николая I. Маловероятно, что он когда-нибудь мог поверить в конституционализм или либерализм. Но он был умным человеком, понимавшим, в чем кроются причины отставания России, и весьма сожалевшим об этом. Если бы не восстание, Николай, вероятно всего, натворил бы гораздо больше бед. Теперь, после выступления декабристов, царское самодержавие страшилось любых перемен. В годы наиболее интенсивного индустриального и социального развития Европы все усилия России в этих направлениях, напротив, были сведены существующим крепостничеством на нет. Реформа 1860-х годов не смогла возместить ущерб, нанесенный четырьмя прошедшими десятилетиями. Проблема российского крестьянства оставалась главным источником отставания страны и косвенной причиной революционных взрывов, которые периодически сотрясали общество вплоть до 1917 года.

Восстание декабристов положило начало современной эре политических событий в России. Ссылка революционеров-дворян развеяла последний миф о XVIII веке как эпохе российского просвещенного абсолютизма. Периоды компромисса и реформ представлялись призрачными интерлюдиями между этапами борьбы двух непримиримых сил XIX века – реакционных и революционных. Царизм получил наглядный урок: обществу, включая привилегированные классы, нельзя доверять. Если часть дворянства (многие из них были связаны узами родства с царской фамилией) способна на «безрассудное стремление к изменениям» существующего режима, где же искать защиту институту самодержавия? В ответ режим попытался преобразовать Россию в некое подобие современного полицейского государства, поскольку уже нельзя было слишком рассчитывать на характерные для классической модели признаки – лояльность и пассивность подданных. Бюрократическим нововведением явилось создание Третьего отделения Имперской канцелярии – прототип печально известных учреждений, процветавших в России (и в период самодержавия, и в советские времена) и дошедших до наших дней. Охранка, ВЧК, КГБ разделяли с Третьим отделением грандиозную моралистическую концепцию охраны государства; прозаичные функции обычной полиции не шли ни в какое сравнение с деятельностью этих организаций. Третье отделение, отыскивая и ликвидируя подрывные элементы, должно было не просто сохранять, а усиливать всеобщее благосостояние. Современный тоталитаризм окружил некой сентиментальностью такого рода институты. Чего только стоит легенда, что Николай назначил начальником Третьего отделения графа Бенкендорфа, уполномочив его осушить слезы и успокоить православных россиян.

На самом же деле Третье отделение должно было заниматься крупномасштабным политическим шпионажем, доношением и пресекать в корне любую подрывную деятельность, чтобы (как это произошло 14 декабря) она не смогла перерасти в государственную измену. Поскольку прежние административные органы проявили неоправданную, если не сказать – преступную небрежность, тайной полиции следовало действовать в обход обычных каналов, а ее шеф становился доверенным лицом монарха и одним из наиболее высокопоставленных имперских сановников. Вскоре функции Третьего отделения были значительно расширены и

включили решение таких, казалось бы, не связанных с его деятельностью вопросов, как политика в области культуры, статистики и тому подобное.¹³

Третье отделение заложило основы будущей системы российских спецслужб с их своеобразным подходом к таким понятиям, как государственная измена и подрывная деятельность в отношении государства. Большинство государств, имевших тайную полицию, прибегали к услугам агентов-провокаторов. Однако именно Россия была первым государством, где под действия спецслужб подводилась философская база. Как зло является составляющей каждого человека, так и в обществе всегда зреет потенциальная измена; она может быть обнаружена и в литературной критике, и в исторических трудах, и в живописном полотне, на первый взгляд абсолютно безобидном. Спецслужбы, соответственно, должны не просто предотвращать или карать явные действия, направленные на подрыв государства, но раскрывать неосуществленные преступления и сурово наказывать за возможность их совершения. Позже мы увидим, что агенты спецслужб не только проникали в секретные организации, но, как это ни парадоксально, нередко провоцировали на противоправные действия. Со временем революционное движение должно было обрести психологическое сходство со своими преследователями: дух инквизиции, постоянный поиск «изменников» и неуважение к законным нормам и правилам.

Посеянные Николаем на русской почве семена тоталитаризма наиболее очевидно проявились в культурной сфере. До 1825 года основным источником тревоги являлись приходящие с Запада политические идеи, подвергавшиеся жестоким гонениям со стороны правящего режима. Французская революция положила конец идеям просвещения, с которыми носилось русское самодержавие. В 1815 году был сделан очередной шаг к реакционной политике, символом которой стал Священный союз, созданный по инициативе русского самодержца Александра I. Восстание декабристов заставило правительство осознать важность идей, как философских, так и политических, и чреватых серьезными последствиями высказываний разного рода писательского люда. Теперь журналистика и литература подвергались особо пристальному изучению. Будь то сюжет исторического романа или описание страстей в поэтическом произведении – все теперь подвергалось тщательному изучению в целях выявления изменнических настроений и антипатриотических чувств. Власти старались подкупить журналистов и литераторов. Под строжайшую цензуру попал величайший поэт России. Пушкину, связанному узами дружбы с декабристами, словно школьнику, пришлось выносить оскорбительное обращение, выслушивая то похвалу, то ругань в адрес своих произведений.¹⁴

Возникла новая популяция журналистов, так называемая продажная «желтая» пресса, оплачиваемая правительством. Ожидалось, что они, осмеивая западные идеи и нововведения, встанут на защиту абсолютизма, православия и русского национализма. Невозможно было выполнить поставленную задачу, не сообщая сути западных идей, а потому даже самые подобо-страстные и продажные писаки время от времени попадали в тюрьму. То же самое происходило и в рядах официальных цензоров: где уверенность в том, что бдительность и рвение вышестоящих чиновников не позволит обнаружить им тайный смысл в самом безобидном романе или статье?

Современная русская культура зарождалась в атмосфере крайней подозрительности. В каком-то смысле попытка применения репрессивных мер спровоцировала неизбежное. Когда из цепи были удалены некоторые звенья, русская литература активно включилась в решение политических и социальных вопросов, а высокопрофессиональная критика превратилась

¹³ При Сталине секретная служба, занимая место непосредственно за диктатором, главным историком Советского Союза, не просто охраняла государственные архивы, а в каком-то смысле создавала их.

¹⁴ Император через начальника Третьего отделения вернул Пушкину стихотворение («Деревня») со следующей припиской: «Ответьте ему, поблагодарив за стихотворение, но укажите, что для любого правительства одинаково опасен провозглашаемый им принцип, который фактически уже привел его на грань пропасти...» (*Sidney Monas. The Third Section, Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge, Mass., 1961. P. 207.*)

в один из основных способов революционной пропаганды. В XIX веке самодержавие было попросту не способно организовать культурную жизнь по образцу современного тоталитарного государства. Репрессии внесли раскол между правительством и образованными людьми, которые со временем стали называться интеллигенцией. Этот термин стал практически синонимом оппозиционного духа по отношению к основным институтам империи. Только большевистская революция смогла положить конец разногласиям, уничтожив и Российскую империю, и интеллигенцию.

Политика Николая I оказала губительное влияние на развитие общественного сознания и в целом на революционное движение. Действия царя увеличили и без того жгучий интерес к Западу. Мысль о «бескультурье» России все чаще и чаще посещала интеллигенцию. В качестве компенсации за оскорбление своей отсталой страны интеллигенция проповедовала мессианское восприятие ее будущего: России предначертано отставание от других стран, поскольку именно благодаря этому ей удастся избежать недостатков западной цивилизации и создать более справедливый и совершенный тип общества. В наше время в некоторых развивающихся странах отставание в развитии нередко выливается в шовинизм, в заявления о духовном превосходстве над материалистическим Западом. В XIX веке российская интеллигенция действовала более тонко, но сколь плачевными оказались далеко идущие последствия. Они помешали реально оценить силу и слабость общества. Отчасти популярность идей социализма среди русской интеллигенции явилась отражением того факта, что социализм подвергал критике западную идеологию и громил европейские институты, подвергавшие нападкам отсталую Россию и превозносившие западных богов.

Правление Николая I явилось началом этого запутанного интеллектуального путешествия. В наши дни западные идеи являются чем-то вроде запретного плода; принятие по отношению к ним репрессивных мер только добавляет им привлекательности. Официальное преследование часто превращало рядовых мыслителей в борцов за свободу, а очередную новость – в наиважнейшее событие в культурной жизни России. Именно такой была судьба «Философических писем», написанных отставным офицером Чаадаевым, которому в 1836 году удалось опубликовать одно из них. В письме (в оригинале написанном по-французски), передававшемся из рук в руки, своего рода историческом эссе, в несколько напыщенном тоне высказывалось сожаление об отлученности России от всемирной истории, о духовном застое и недостатке традиций. «Где наши мудрецы, где наши философы... кто сегодня думает о нас?» Автор не принимал в расчет предыдущие попытки вывести страну из спячки; Петр Великий придал России только внешний налет цивилизации. Чаадаев упоминал о трагедии декабристов: «...другой великий правитель... провел нас из одного конца Европы в другой; пройдя триумфальным маршем через большинство цивилизованных стран, мы восприняли идеи и устремления, которые привели к огромной трагедии, отбросив нас на полстолетия».¹⁵

Этот изящный образчик французской прозы путешествовал по гостиницам Санкт-Петербурга, где собиралась наиболее мыслящая часть интеллигенции, и нельзя сказать, что являлся предметом ежедневных обсуждений. Но стоило опубликовать письмо, и оно стало расцениваться как диверсионный акт. Чаадаев был объявлен сумасшедшим и попал одновременно под медицинское и полицейское наблюдение. Вспомним, как Н.С. Хрущев, столкнувшись с творчеством советских художников-абстракционистов, громогласно поинтересовался, являются ли они нормальными людьми или извращенцами. Наказание Чаадаева за инакомыслие было хорошо продуманным садистским актом со стороны Николая I, хотя этот приступ ярости нового российского диктатора, похоже, был стихийным.

Письмо Чаадаева изложено банальными фразами, без какого-либо намека на революционность, что впоследствии использовалось западниками в качестве основного аргумента: Рос-

¹⁵ См.: Тершензон М. Труды Чаадаева. М., 1913. Т. 1. С. 84.

сия может стать цивилизованной страной и занять достойное место в мировой истории только путем заимствования западных идей. Это неявно прослеживалось в планах Северного общества декабристов и соответствовало стремлениям царей, от Петра Великого до Александра I.¹⁶

В действительности режим сыграл сам с собой злую шутку, подвергнув критике «Философические письма» как работу сумасшедшего, поскольку в ней было затронуто направление российской общественной мысли. Лишенные возможности повлиять на существующие государственные институты, русские мыслители были вынуждены находить утешение в сфере философской и исторической фантазии. Лишенные возможности проверить правильность своих умозаключений в процессе дискуссий, публичного признания и в практическом применении, люди, воображающие себя реформаторами, были способны только парить в метафизических высотах в пылу горячих философских споров, опускаясь на грешную землю лишь затем, чтобы разрабатывать бессмысленные планы осуществления революционных переворотов и закончить жизнь в царских тюрьмах или в ссылке, в Сибири или на Западе.

В 1840-х годах идеалистическая философия Германии воспринималась в России с особым энтузиазмом, взалоб. При тех условиях, в которых находилось на тот момент русское общество, этот жадный интерес к философским измышлениям Гегеля, Фишера и Шеллинга кажется крайне странным. В стране, породившей эти идеи, молодые интеллектуалы уже утратили к ним интерес. Один из этих молодых, Карл Маркс, заметил, что философов интересует всего лишь обсуждение различных вариантов мира, в то время как основной вопрос заключается в том, как это сделать. Но в России немецкая философия не только давала возможность уйти от гнетущей действительности, но и служила руководством к действию. В ней юношеский восторг сочетался с грандиозными понятиями абсолютного, мирового духа и им подобными. Но молодые российские интеллигенты не учитывали предупреждение Гегеля, что философия добирается до сути слишком поздно, чтобы объяснить, каким должен быть мир. Рано или поздно они нашли бы в Гегеле и Фишере то, что действительно искали: критику статус-кво и даже призывы к революции. Александр Герцен, отыскивая собственный путь к революции, убеждал, что «философия Гегеля суть алгебра революции; она предоставляет человеку исключительную степень свободы и не оставляет камня на камне от всего православного мира, мира традиций, которые пережили сами себя».¹⁷

Весьма сомнительно, что Гегель, лояльно настроенный в отношении прусской монархии, согласился бы с такими выводами из своей философской концепции. Двадцатью годами позже другие российские радикалы не испытали никаких трудностей, опираясь на утилитаризм, философию английских либералов, чтобы логично обосновать террористические акты. Только религия способна дать утешение в условиях политической тирании. Традиционная концепция православной церкви больше не устраивала сердитых молодых людей 1840-х годов, хотя более многочисленная, консервативная, часть интеллигенции, славянофилы, вскоре сделала попытку (здесь не обошлось без помощи Гегеля) придать православия интеллектуальный характер. На какое-то время немецкий идеализм заполнил пустоту, но затем должен был уступить дорогу новой, более заманчивой религии – социализму.

Растущий класс русской интеллигенции вел лихорадочный поиск новой философии религии, и зачастую обстоятельства оборачивались скорее комической, нежели трагической стороной. Известный литературный критик Виссарион Белинский (1811—1848) за свою короткую беспокойную жизнь прошел через стадии горячей преданности Фишеру, затем Гегелю, затем через яростное неприятие «признания действительности» Гегеля и в итоге проникся примитивной материалистической точкой зрения другого немецкого мудреца, Фейербаха. Моло-

¹⁶ Единственной оригинальной мыслью в довольно-таки сомнительном творении Чаадаева является та, что основная причина отсталости России кроется в принятии православия. Он продемонстрировал близорукость интеллигенции. Говоря «Запад», они подразумевают Францию и Англию и реже Испанию и Португалию.

¹⁷ См.: *Martin Malia. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Cambridge, Mass., 1961. P. 228.*

дежь с жадным интересом знакомилась с последними новинками французских и немецких периодических изданий. Белинский, выдвинувший тезис о социальной направленности искусства, имевшей самые грустные последствия для советской литературы, также не избежал политических метаморфоз. Он, превозносивший историческую роль российского императора, позже объявил себя социалистом. Зачастую, лишь бегло ознакомившись с творчеством автора, Белинский выносил поспешное заключение о его произведениях. Руссо был высокомерно отвергнут за «дурацкую» сентиментальность (хотя Белинский прочитал только его «Исповедь»). Незнание немецкого языка препятствовало изучению немецкой философии. Этот факт более всего приводил в замешательство поклонников Белинского, которые были готовы представить его точку зрения как образец марксистского взгляда на искусство. Русскую интеллигенцию отличал вопиющий дилетантизм и стремление следовать новейшим западным теориям.

Только тайные общества давали интеллигенции возможность относительно свободно общаться друг с другом. Правительство установило неусыпный контроль за деятельностью университетов и жесткий, унижающий человеческое достоинство режим работы для профессоров. Слыханное ли дело, чтобы на профессора, опоздавшего на лекцию, налагался штраф?! Все периодические издания находились под строгой цензурой, любой издатель и автор автоматически попадали под подозрение. Белинский, никогда не опубликовавший ничего, что могло бы рассматриваться как противоправный акт в отношении государства, находясь при смерти, был «приглашен» в Третье отделение; присутствовавшие на похоронах агенты установили слежку за его друзьями. Кружки, группы друзей, собиравшиеся для дискуссий, и литературные общества, фактически превратившиеся в закрытые светские, стали единственными местами, где сравнительно свободно обсуждались западные теории и социальные проблемы самой России. Однако тайные агенты проникали даже в частные дома и дискуссионные группы. В надуманном мире Николая I дискуссионные группы могли незаметно перерасти в центры заговора.

Именно такой оказалась судьба кружка Петрашевского. Руководитель общества, М.В. Буташевич-Петрашевский, был из тех упрямых, язвительных натур, которые по складу своего бунтарского характера всегда будут рваться в бой. Во время учебы он курил только потому, что это было запрещено, но после окончания лицея тут же перестал курить. Когда Петрашевский узнал, что был наказан человек, не поприветствовавший встретившегося ему на прогулке императора, он тут же заявил, что, если бы с ним произошел подобный казус, он бы объяснил, что близорук, а императору следует носить на шляпе трещотку, чтобы преданные подданные могли узнавать его издали.¹⁸

Так что нет ничего странного в том, что Петрашевский был признан неблагонадежным.

Достоевский и Салтыков-Щедрин, участники кружка Петрашевского, в немалой степени способствовали широкой известности этого общества. Кружок действительно заслуживает большого внимания историков, изучающих революционное движение, поскольку в нем были некоторые идеи и психологические особенности, получившие развитие в будущем революционном движении. Петрашевский, в отличие от декабристов, делал упор не просто на создании тайного общества, а на проведении пропаганды и агитации. В 1844—1845 годах он в соавторстве разработал невинно озаглавленный «Карманный словарь иностранных слов» *на русском языке*. Самый добросовестный цензор вполне мог «зевнуть» и пропустить (что поначалу и произошло) книгу с таким названием, которая, фактически под видом объяснений, содержала неслыханные доселе «подрывные» идеи. Объясняя значение слов «конституция», «риторика», «национальность», автор незаметно критиковал царский режим и упоминал о социалистических движениях Запада. Петрашевский обладал чувством юмора – редкая черта для революционера. О «национальности» после ссылки на Петра Великого Петрашевский писал: «... (его наследники) приблизили нас к идеалу политической и общественной жизни... (в нашем

¹⁸ См.: Семевский В. И. М.В. Буташевич-Петрашевский. М., 1922. С. 147.

государстве) нет больше места обычаям и предрассудкам, оно управляется наукой и достоинством». Объяснение эгалитаризма он сопровождал обвинительным актом в адрес крепостничества: «Согласно учению Христа, все люди равны, и в христианском мире рабство должно быть стерто с лица земли... Все помещики должны передать принадлежащие им леса и водные пространства в общественное пользование». И далее: «Успешная борьба за восстановление утраченных прав никогда не обходится без кровавых жертв и преследований со стороны властей». Эти слова уже характеризовали суть будущей революции.

Деятельность петрашевцев сводилась не только к стремлению ознакомить с агитационной литературой образованный класс, предпринимались попытки агитационной работы и среди необразованной массы населения. Порой этот вид деятельности принимал странные формы. Петрашевский испытывал неприязнь к женщинам; его мать была отвратительной особой, и он любил говорить, что большинство бранных слов в русском языке женского рода. Дворянин по происхождению, он ходил в городской танцевальный клуб, чтобы иметь возможность проводить агитацию среди низших классов.

В неполные двадцать лет молодой революционер Петрашевский занялся организацией кружка, привлекая в него знакомых, начиная с гимназии и до Министерства иностранных дел, где занимал должность мелкого чиновника. Кружок собирался еженедельно, по пятницам, в квартире Петрашевского. Хозяин относился к тем людям, чья природная веселость, чувство юмора и экстравагантность привлекают самых различных людей. Поначалу гости приходили просто для того, чтобы за чаем обсудить литературные сочинения западных писателей. Но довольно скоро встречи приняли более организованный характер. Кто-нибудь из гостей зачитывал, к примеру, выдержку из книги или предлагал для обсуждения проблему, и разгоралась горячая дискуссия, являвшая собой модель знаменитых бесконечных разговоров, которые вела русская интеллигенция. Беседа могла начаться с обсуждения вопроса, связанного с биологией, перекинуться на социальные проблемы, коснуться печального положения, в котором пребывает отчизна, и закончиться выражением революционных настроений.

В то время слово «социализм» получило весьма широкое распространение. Главным образом оно относилось к учению Роберта Оуэна, Сен-Симона и Шарля Фурье, которых Маркс называл «социалистами-утопистами».

Стоило идеям утопистов, несмотря на строжайшую цензуру Николая I, проникнуть в Россию, как петрашевцы первыми включились в активное обсуждение проблем социализма, коммунизма и других новых увлекательных французских и немецких теорий. Утописты были очень далеки от настоящих революционеров (отсюда и весьма ироничное название, данное им Марксом). Они искали щедрых покровителей, чтобы претворить в жизнь свои идеи об общественном устройстве государства. В России, конечно, их идеи были тут же связаны с революционными преобразованиями общества. Петрашевцы превратились в восторженных поклонников Фурье. Шарль Фурье (1772—1837), обаятельный безумец, пребывал в полной уверенности, что разработал универсальный закон «гармонии», и является Ньютоном общественных наук. Сейчас, вероятно, трудно представить, как разумные люди могли поверить в безумные идеи Фурье и считать его выдающимся умом столетия. Однако у него было огромное количество последователей не только в своей стране, но и в далеких Соединенных Штатах и в России. Следует заметить, что основная привлекательность теории Фурье заключалась не в том, чтобы человеческое общество достигло благосостояния — «молочных рек и кисельных берегов» и других приятных фантазий, а в предложенных им общинах (фалангах). Членам таких фаланг, вместе живущим и работающим, будет предоставляться возможность выбрать занятие, удовлетворяющее их устремлениям.¹⁹

¹⁹ Кто займется грязной работой, например уборкой мусора? Фурье заметил, что детям нравится возиться в грязи. Следовательно, они с удовольствием возьмутся за уборку мусора.

Историки социализма с долей высокомерия относятся к тем, кто имеет отношение к Фурье, явно невменяемому, и его фантазмагорической системе. Но многим вполне разумным современникам Фурье фаланги казались мечтой об острове гармонии и довольства в бурном море растущего индустриализма. У людей вроде Петрашевского фантастические идеи Фурье вызывали бурный восторг, поскольку являлись отражением не только его собственной эксцентричности, но и подтверждали безрадостную действительность, связанную с правлением Николая I. Ждать реформ или каких-либо улучшений не приходилось. Мрачная действительность способствовала тому, чтобы ухватиться за любую, даже самую невыполнимую, самую фантастическую идею, связанную с реформами, ведущими к спасению отечества.

Петрашевский безуспешно пытался применить учение Фурье на практике; еще одна из безнадежных попыток русских революционеров (такое положение сохранялось, по крайней мере, до революции 1905 года) произвести впечатление на народные массы, ради которых они якобы боролись с режимом и терпели лишения. Петрашевский решил организовать фаланстер²⁰ на собственные средства. В качестве первого шага он попытался убедить своих крепостных отказаться от собственных жалких лачуг и переехать в общественное здание, построенное за его счет. Крестьяне просто отреагировали на его пламенные речи о выгоде от совместного проживания: «Как пожелаете. Мы – народ темный. Как ваша светлость решит, так и будет».²¹

Как-то ночью, когда дом для общины был уже практически готов к заселению, его подожгли. Скорее всего, сами крестьяне. Так произошло одно из первых столкновений теории социализма с реалиями русской жизни.

Неудачный опыт не излечил молодого революционера от фурьеризма. Наоборот, он еще больше уверился в том, что Россия – «дикая страна» («Мы живем в наполовину варварской стране», – говорил Ленин). С невероятным оптимизмом, столь редким в среде русских радикалов, Петрашевский решил, что за пять лет ему удастся ознакомить народ с учением Фурье. Этого срока будет достаточно, чтобы массы осознали все достоинства нового учения и выгоду, которую они смогут получить, применяя его на практике. Слово «массы», еще одна связь с будущими революционерами, довольно часто звучало из уст Петрашевского. Он был противником военного переворота в духе декабристов. Петрашевский полагал, что воинская жизнь и дисциплина отупляет людей, а Фурье считал военных паразитирующим классом. И тут выясняется, что они в состоянии генерировать идеи. Нет, единственная надежда на массы и народное восстание.

Кружок Петрашевского, как и всякую революционную ячейку, разрывали жесточайшие споры и разногласия; помимо фурьеристов, были последователи других учений и теорий. Группа, называвшая себя коммунистами, настаивала на немедленном крестьянском восстании. Одно время Петрашевский считал, что они могли бы распространять учение Фурье среди помещиков. Экстравагантный бунтарь Петрашевский воображал себя в одинаковой степени революционером и реформатором. Он напоминает тех французских деятелей, которые, пережив безумное юношеское увлечение фурьеризмом и сенсимонизмом, превратились в предпринимателей и банкиров.²²

Даже самые безобидные сочинения (вроде вполне разумного сочинения о возрастающем значении земельной собственности) использовались в царской России как лишнее доказательство неблагонадежности реформатора-дилетанта. Один из петрашевцев вынес приговор своей эпохе, который, к сожалению, имеет отношение не только к периоду правления Николая I.

²⁰ В утопическом социальном учении фурьеристов – здание особого типа, являющееся средоточием жизни коммуны – фаланги. Словарь Ушакова.

²¹ Семевский В.И. М.В. Бутаевич-Петрашевский. М., 1922. С. 174.

²² Кто, наблюдая за русскими революционерами до 1917 года, мог предположить, скольким из них суждено стать настоящими руководителями, дипломатами и производственниками!

«В России все – тайна и обман, и поэтому ни о чем нет никакой достоверной информации... Политика правительства заключается в том, чтобы сохранить как можно больше вещей в тайне или заниматься обманом... Рабы с готовностью или неохотно пытаются предвосхитить желания тиранов. Поэтому ложь и скрытность входит у нас в привычку».²³

Писатель добавляет, что он говорит о русских рабах, своих современниках, а не о тех, «кто после свержения самодержавия поразил человечество своим беспримерным героизмом и благородством чувств». Увы!

В 1849 году полиция разогнала кружок, а его членов арестовала. В отличие от декабристов среди петрашевцев не было представителей высшего дворянства. В большинстве это были мелкие помещики и чиновники, занимающие невысокие должности. Тайная полиция постаралась представить кружок петрашевцев, обычный дискуссионный клуб, как общество заговорщиков. Вынесенный петрашевцам приговор, учитывая тот факт, что обвиняемые, в отличие от декабристов, отрицали свою причастность к подрывной деятельности, отличался невероятной жесткостью. В числе приговоренных к смертной казни были Достоевский и Петрашевский, двадцать один член кружка. Им уже объявили приговор, когда поступило распоряжение о замене смертной казни бессрочной каторгой (затягивание с объявлением изменения приговора до последнего момента было, несомненно, умышленным).

Вся сущность эпохи царствования Николая I воплотилась в судьбе последовавших за декабристами петрашевцев. По сути, с радикализмом было покончено. Годы революционного подъема, 1830-й и 1848-й, пошатнувшие троны и государственные институты всей Европы, нашли свое отражение в России в еще больше увеличившихся репрессиях. Восстание в Польше в 1830 году было подавлено, и русская часть Польши лишилась автономии. Россия, проявившая себя как оплот самодержавия, противостояла либеральным идеям и конституционализму всей Европы. Стабильность и могущество империи были приобретены ценой пренебрежения к проведению необходимых реформ, и после смерти Николая I, последовавшей в 1855 году, Россия была несоизмеримо дальше от Европы, чем в 1825 году. Поражение России в Крымской войне (1854—1856) явственно продемонстрировало необходимость проведения реформ; устойчивое положение империи было всего лишь миражем.

Но самым пагубным наследием эпохи явился антагонизм между правительством и просвещенным классом. У последних это выражалось в страхе и ненависти к самодержавию, заставляя их видеть в любом правительстве, даже склонном к реформам, непримиримого врага. Как бы то ни было, но в России должен был появиться либерализм. Поначалу незаметный, совсем не похожий на революционный радикализм и неохотно признающий, что имеется угроза свободе как с одной, так и с другой стороны. Политическое давление во времена правления Николая I, правительство, взявшее на себя управление религией, литературой и личными делами своих сограждан, преподало обществу опасный урок: все в конечном счете зависит от политиков. Таким образом, самодержавие подготовило почву для появления в России социализма.

²³ См.: Селевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский. М., 1922. С. 174.

Глава 2

Бакунин и Герцен

Русский социализм был направлен против российского самодержавия и западного либерализма. Две личности стоят у его истоков: Михаил Бакунин и Александр Герцен. Они наиболее полно определяют характер русского социализма: мучительный, раздираемый внутренними противоречиями в поисках компромиссного решения, в котором приступы отчаяния сменялись мессианской надеждой, что Россия, русские могли бы научить мир и указать путь к свободе и социальной справедливости. Строго говоря, ни Бакунин, ни Герцен не могут считаться социалистами. Они не признавали сословных различий, и никакая система – социализм, анархизм, популизм – была не в состоянии оценить по достоинству экстраординарное многообразие и сложность идей, которые появлялись из-под пера каждого из них, множество настроений и политических позиций, которые они сменили за свою жизнь. Но они пришли к социализму, то есть писали и действовали в полном убеждении, что недостаточно одной политической реформы и только широкомасштабные социальные и экономические преобразования смогут возродить Россию. Свои радикальные идеи они высказывали в салонах Санкт-Петербурга и Москвы, выступали с ними на европейской сцене, тем самым заложив начало революционной борьбы на родине.

Наследие Михаила Бакунина (1814—1876) является в основном частью западного анархизма. В своей стране Бакунин имел немного последователей. Его жизнь была воплощением идеала радикализма, примером настоящей революционной деятельности и вошла в историю как типичная для всего движения.

Бакунин был из породы людей, вызывающих или бурный восторг, или полное неприятие. Любая попытка создать объективное жизнеописание, вероятно, будет лицемерием. Недружелюбно настроенный биограф обязательно отметит, что его бунтарский дух являлся следствием беспорядочной жизни; такой революционер не может примириться ни с одной из социальных систем. Благожелательно настроенный биограф будет вынужден опустить или преуменьшить отрицательные черты характера Бакунина: расизм, ксенофобию, полную безответственность, которая толкала к настоящим преступникам и явным сумасшедшим вроде Нечаева. В Бакунине, в явно преувеличенной форме, совместились вся сила и слабость русского революционного движения, от героического и патетического до финального поражения (его увлеченность большевизмом), в котором было больше пафоса, нежели героизма.

Бакунин был дворянин и пробовал себя в одной из немногих профессий, предоставляемых его классу, – военной. Оставив службу в армии, он прошел курс ученичества в московских философских и литературных кружках и в скором времени сбежал в свободный западный мир. В Европе (именно так, сознательно или бессознательно, русские интеллигенты, в отличие от России, называли Запад) этот студент, изучавший немецкую философию, с головой окунулся в радикальные социалистические движения, наложившие отпечаток на 40-е и 50-е годы XIX столетия. Бакунин стал (и так и остался) так называемым заезжим революционером. Не было восстания, фактического или планируемого, в Праге в 1848 году, в Дрездене в 1849 году, в Польше в 1863 году, множества предпринятых восстаний во Франции и Италии, в которых Бакунин не был бы готов принять участие, предоставив свою помощь в качестве составителя манифестов, теоретика революционного движения и тому подобного.

Часть сознательной жизни Бакунин провел в тюрьмах и ссылке. В 1851 году австрийские власти выдали его России. Существует анекдот, согласно которому Бакунин, всегда остававшийся патриотом, после передачи его царской полиции воскликнул, что на русской земле хорошо даже в кандалах. (Писатель в XX веке мог бы сказать, что это была «фрейдистская оговорка»; передача Бакунина, борца за независимость поляков, на самом деле произошла на

территории Польши, правда входившей в состав России.) Лишенный всякой сентиментальности жандарм ответил Бакунину: «Разговоры строго запрещены».

Во время пребывания Бакунина в тюрьме произошел инцидент, который его биографы затрудняются объяснить. Николай I, как уже можно было заметить, имел прямо-таки советское пристрастие к слушанию и чтению публичных покаяний заключенных в тюрьму врагов. Это же было предложено и Бакунину. Результатом явилось его признание (увидевшее свет лишь после Октябрьской революции), которое царь прочел с огромным интересом и в целом одобрил. Бакунин всячески восхвалял царя и поносил западных либералов и парламентариев. Не стоит представлять это признание как ловко составленный и оправданно лживый документ (как это сделал советский биограф Стеклов), дававший Бакунину надежду на смягчение приговора или уподобляться профессору Вентури, видевшему в признании Бакунина «негативную сторону его личности» и предположившему, что Бакунин хотел «намеренно... ввести в заблуждение и привлечь на свою сторону царственного тюремщика».²⁴

Бакунин не был бы собой, если бы не добивался послабления тюремного режима, который действовал на него губительно (следующее поколение русских революционеров с презрением отвергало подобные приемы. Они искали мученическую смерть, как это было с Чернышевским). Правда, отдельные части признания звучат по-настоящему страстно. Поведение Бакунина в какой-то мере можно объяснить тем, что революционер искал что полегче. Как это ни печально, но лучше было выразить симпатию к самодержавию, чем лестно отозваться о либеральном реформаторе западного толка.

Николай I был лишен сентиментальности, и признание не принесло Бакунину освобождения. После смерти Николая I заключение в Шлиссельбургской крепости заменили ссылкой в Сибирь, где Бакунин мог, по крайней мере, свободно передвигаться и общаться с людьми. Длительное заключение в крепости для человека его темперамента неизбежно закончилось бы сумасшествием, как это случилось со многими. Из Сибири ему удастся довольно быстро бежать за границу. В 1861 году он уже в Лондоне, и интересуется очередной революцией.

Для историка, не обременяющего себя серьезными исследованиями, Бакунин – огромный, большой любитель поесть (можно сказать, обжора), непрерывно курящий и пьющий чай (или крепкие напитки), живущий за счет друзей и ведущий весьма безалаберный образ жизни – был «типичным русским революционером», или, что еще хуже, «типичным русским человеком». Этот образ так же грешит преувеличениями, как образ типичного русского интеллигента: утонченный, в высшей степени образованный человек. Но зачастую стереотипы бывают намного значительнее действительности. Ленин (это никак не связано с его неприятием многих революционных традиций России) в личной жизни демонстрировал невероятную, прямо-таки буржуазную, умеренность и рассудительность; не было никого, кто бы с большей антипатией относился к представителям богемы. В свою очередь, эти черты проявились в советских государственных чиновниках, чей конформизм, и не только в политической сфере, заставил бы перевернуться в гробу Бакунина и Герцена.

Излишне говорить, что Бакунин не занимался всерьез философией революции и социализма. Его восприятие социализма носило скорее интуитивный характер: восстание против любого насилия и несправедливости, неприятие полумер и компромиссных решений. Одно время Бакунин был сторонником идеологии панславизма, идеи коренного отличия славянских народов от других народов Европы и необходимости создания союза славянских народов. Но ни одна философия не смогла полностью заинтересовать и удержать его внимание – ни марксизм, ни сенсимонизм, ни прудонизм. Он верил в необходимость революционной диктатуры и теорию анархизма. Анархизм позволил Бакунину разглядеть потенциальные возможности для авторитаризма, скрывающиеся в учении Карла Маркса. Марксизм был для него другим

²⁴ Venturi Franco. The Roots of Populism. New York, 1960. P. 57.

способом создания жесткого централизованного государства; «тот, кто говорит о государстве, подразумевает угнетение, а тот, кто говорит об угнетении, подразумевает эксплуатацию». По словам Льва Толстого, который никогда не находился в тюрьме, Бакунин проявил себя христианином и пацифистом-анархистом. По мнению Стеклова, Бакунину была свойственна «безалаберность», которую рассеял свет марксизма-ленинизма, но советский историк, умерший в сталинских лагерях, вероятно, имел время, чтобы пересмотреть собственное мнение.²⁵

Анархизм, безусловно, превосходит с точки зрения критики других политических систем, но едва ли подходит в качестве положительного примера. Подобно всем анархистам, Бакунин мог лишь повторять: уничтожьте государство, уничтожьте господство и неравенство. И что потом? На этот нетактичный вопрос Бакунин, как и другие анархисты, мог ответить только общими фразами о добровольном сотрудничестве, федерализме и тому подобном.

К концу жизни Маркс и марксизм стали для Бакунина олицетворением зла не меньшего, чем царский режим. Бакунин выступал против Маркса и его сторонников, что внесло разлад в I Интернационал. На Западе, и в особенности в странах Латинской Америки, исторический разлад ознаменовал начало разрыва между марксистами и анархо-синдикалистскими членами рабочего движения, перешедшего затем в открытую борьбу. Бакунин, который в свое время находился с Марксом в дружеских отношениях и предполагал перевести его «Капитал» (перевод, как и большинство подобных попыток Бакунина, так и остался незаконченным), теперь испытывал к Марксу враждебные чувства. Бакунин писал: «Будучи евреем, он привлекает в Лондоне, во Франции и особенно в Германии множество евреев, более или менее умных, интриганов, любителей сунуть нос в чужие дела и спекулянтов, коммивояжеров и банковских служащих, писателей... корреспондентов... стоящих одной ногой в финансовом мире, а другой в социализме».²⁶

Историки социализма неохотно признают, что радикальное движение грешило антисемитскими настроениями. Но у Бакунина это стало просто навязчивой идеей. Забыв о своем аристократическом происхождении, он воображал себя представителем «народных масс». «Они (евреи) всегда эксплуатируют труд других людей; они боятся и ненавидят массы, открыто или тайно презирая их». Антисемитизм перешел у него в германофобию. Его ненависть подогревалось личной обидой: он испытывал чувство неполноценности рядом с Марксом. А самое главное, и евреи и немцы воплощали качества, особенно ненавидимые Бакуниным (возможно, потому, что он осознал отсутствие в себе подобных качеств): усердие, аккуратность, практическое и деловое чутье. В сумме эти качества являлись неотъемлемой частью самодержавия или, что ничуть не лучше, составляли презренную буржуазную культуру Запада.²⁷

Социализм на Западе разрушили евреи, толкнувшие его в русло авторитарного марксизма. Что же касается России, то даже Бакунин не мог представить Николая I евреем; не только императорский дом, но и высшие слои бюрократического аппарата имели немецкие корни. Российское самодержавие было «по-настоящему» немецким, и Бакунин частенько называл его «германо-татарским». Русские люди, точнее, крестьянские массы, удерживаемые в рабстве иностранной олигархией, были инстинктивно демократичны.

По существу, Бакунин был против современного общества: индустриализма, централизованного государства, структуризации, составляющих основные признаки современного общества. При всех своих странностях он придерживался традиций русского народничества, наиболее влиятельного течения до тех пор, пока марксизм не занял главенствующее положение. Следует заметить, что особую притягательность и революционную энергию марксизм поза-

²⁵ См.: *Стекло в ЮМ. Бойцы за социализм*. М., 1923. Т. 1. С. 227.

²⁶ См.: *Стекло в ЮМ. Бойцы за социализм*. М., 1923. Т. 1. С. 288.

²⁷ Изучение национального характера может стать причиной практически любого вывода. Среди части английских историков XIX века было модно приписывать конституционализм «германскому уму», а инстинктивную склонность к деспотизму – романским народам и славянам.

имствовал именно у российского народничества. В Бакунине полное неприятие Запада (по Бакунину, нежелательными элементами российской действительности являются западнотемские) сочетается с верой в «людей». Те, кто во времена Бакунина думали о крестьянах, считались образцом нравственной добродетели, антиподом развращенной западной буржуазии. Слава богу, русский крестьянин, чей рассудок не был замутнен немецко-еврейскими идеями и западным материализмом, сохранил простоту и достоинство; демократичный по натуре, он являлся тем самым необходимым фундаментом для создания будущего социалистического государства. Все эти философские рассуждения не имели ничего общего с реальными условиями, в которых находилось русское крестьянство, и, кроме того, отдавали скрытой ксенофобией и оскорбленной национальной гордостью. Головокружительные успехи западных народов на пути прогресса явственнее видны с позиций современной жизни, нежели русскому революционеру XIX века. Однако и сегодня слышны подобные голоса, звучащие в Азии и в Африке, находящие благожелательный отклик на Западе. Но вот что ускользнуло из поля зрения многих критиков русского народничества: отнюдь не демократическая снисходительность при сентиментальной идеализации простого человека. Крестьянин предстает в виде благородного дикаря. Он является орудием, назначение которого покарать ненавистное правительство и эксплуататорские классы и выявить сущность презренной западной буржуазии, самодовольно упивающейся своими успехами в области прогресса.

Вкладом Бакунина в русское народничество являются главным образом легенды, связанные непосредственно с его личностью и революционной деятельностью. В последние годы жизни в Швейцарии он стал объектом повышенного внимания и даже некоторого почитания в среде молодой, радикально настроенной интеллигенции, хлынувшей в 1870-х годах на Запад.

Его труды и выступления оказывали огромное влияние, побуждая интеллигенцию немедленно «идти в народ», чтобы готовить крестьян к революции. Но руководство радикальным движением перешло в другие руки. Для нового поколения Бакунин стал воплощением революционной энергии и непримиримости, но не было тех, кто бы поддержал его буйный анархизм и мечты о всеобщих крестьянских восстаниях. В своей стране Бакунину не удалось создать собственную школу. Активная антимарксистская позиция Бакунина мешала сделать его образцом для подражания будущих поколений социалистов. Бакунин, готовый сразиться с любым и каждым сторонником тирании, стоит немного в стороне от вереницы революционеров, начиная с декабристов и заканчивая Лениным. Несмотря на огромные недостатки, образ Михаила Бакунина необыкновенно притягателен.

В отличие от Бакунина, сторонника активных действий и применения насилия (своего рода донкихотство), его современник и друг Александр Герцен воплотил в себе интеллектуальную и нравственную стороны революционной привлекательности. В отношении Герцена история оказалась более доброжелательной. Несмотря на принадлежность к «сердитым молодым людям» 1860-х годов, Герцен не вполне искренне защищал революцию, имея роскошный дом; осуждал материализм, а жил на доход с миллиона рублей; подвергал резкой критике неправильные методы борьбы. Впоследствии радикалы решили признать заслуги Герцена. Ленин причислил Герцена к кругу основных предвестников большевизма. Между либералами и марксистами разгорелся спор: кому должно принадлежать наследие Герцена? Оставим в стороне политические баталии; Александру Герцену, безусловно, принадлежит особое место в истории русской литературы. Его книга «Былое и думы» является своеобразным шедевром, одним из наиболее привлекательных примеров автобиографического жанра. Даже обычные политические статьи Герцена обладают отточенностью формулировок и изысканностью оборотов, что ставит его выше русских радикальных писак с их претенциозным тоном в отношении «народа» и тяжеловесным сарказмом в адрес существующей власти.

Герцен всегда был любимцем иностранных знатоков русской революционной традиции. Это связано с его аристократизмом – и в жизни, и в творчестве. Подобно Льву Толстому, кото-

рый придерживался собственных взглядов в политике и личной жизни, Герцен не мог, даже если бы и захотел, отказаться от аристократического происхождения и образа мыслей. Но в его аристократизме были и негативные стороны. Например, снобизм. Но самое неприятное, что в его частых выступлениях, направленных против материализма, присутствовал элемент притворства. Два места в книге «Былое и думы» яркое тому доказательство. Едва закончив гневную тираду, направленную в сторону Запада, и произнеся обвинительную речь в адрес буржуазии, Герцен тут же возвращается к личным делам. Царское правительство отказало ему, как политическому эмигранту, в родовом наследстве. Герцен мчится к своему банкиру, главе парижского дома Ротшильдов. Банкир сообщает царскому правительству, что деньги незамедлительно должны быть переведены владельцу, иначе оно столкнется с трудностями на международном финансовом рынке. И как весьма забавно замечает Герцен, роли тут же поменялись: подобно «купцу второй гильдии», царь покорно выполняет приказ банкирского дома. Деньги, как положено, переданы политическому преступнику. Надо сказать, что враг материализма не брезговал спекуляциями на фондовой бирже и операциями с недвижимостью. Герцен должен был испытывать некоторые угрызения совести, поскольку в Гражданской войне в США он поставил на победу «сил реакции» Конфедерации штатов Америки и продал американские облигации.

Трудно ждать, что социалисты чем-то отличаются от остального рода человеческого и должны быть более последовательны в своих мыслях и личной жизни. Во всем, что касалось революции и политических ссыльных, Герцен проявлял необыкновенную щедрость. А вот его гневные тирады в адрес коррумпированного западного материализма наносили явный вред. Он учил (а в то время влияние Герцена на русскую интеллигенцию было огромным), что только усилием воли можно добиться политического возрождения России, что устойчивые экономические институты не есть необходимое требование политической свободы. История русской революционной мысли – это история обычных людей, чье возрастающее неприятие монотонного однообразия повседневной жизни находит выход в терроризме, а затем, перегорев, они становятся активными проповедниками марксизма. Вызывавший восхищение Герцена французский социалист Прудон написал в минуту разочарования, что в человеке «таится зверь», которого интересует только пища, сон и занятие любовью. Немногие революционеры согласились бы с таким нелестным описанием обычного человека.

Герцен родился в богатой аристократической семье. Родители не оформили брак, и Герцен был внебрачным ребенком, но это обстоятельство никоим образом не сказалось ни на его образовании, ни на социальном статусе. Его отец, эксцентричный по натуре, в духе старорежимного французского аристократа, не обращал внимания на условности, к коим относилась женитьба. Трагедия декабристов потрясла воображение мальчика и послужила толчком, как писал Ленин, к последующей деятельности. Дворяне, ставшие мучениками свободы, покорили сердце четырнадцатилетнего подростка. Вскоре после этих страшных событий Герцен и его друг Огарев дадут торжественную клятву положить свою жизнь, как декабристы, за освобождение русского народа. Это был романтический жест в духе Шиллера, которым в то время зачитывалась молодежь, но Герцен и Огарев, талантливые и богатые, не имеющие необходимости заполнять политикой жизненную пустоту, навсегда остались верны юношеской клятве.

Герцен от рождения не был бунтарем и заговорщиком, подобно Бакунину. В другое время и в другой стране он мог бы стать либеральным политиком или литератором. Но Россия времен Николая I создавала все условия, чтобы впечатлительные молодые люди становились революционерами. Первый арест и изгнание из Москвы были связаны с тем, что среди знакомых Герцена было несколько молодых людей, *якобы* сочинявших революционные песни. Причиной второй ссылки Герцена было перехваченное тайной полицией письмо, в котором он намекал на продажность полиции. В 1847 году молодой аристократ оставил свою несчастную страну, чтобы отыскать, как он думал, на Западе гавань свободы и цивилизации.

Идеи Герцена в отношении Запада были почерпнуты из романтической литературы, немецкой идеалистической философии и являлись отзвуком трудов западных (главным образом французских) теоретиков социализма. Хотя Герцен оказался в Европе уже в зрелом возрасте, он испытал просто-таки юношеское потрясение, осознав, что политическая жизнь на Западе наполнена не только благородными идеями республиканизма и социализма и что люди во Франции и Германии заняты прозаическими делами. Революции 1848 года после некоторого замешательства и социального экспериментирования, казалось, только ослабили высший и усилили средний класс, приняв за руководящий принцип политики точку зрения среднего класса – буржуазии. Как это отличалось от романтизма! Неожданное столкновение с действительностью выявило у Герцена националистические чувства. Европа постарела и одряхла. Наступило время *буржуазии*. Вот именно с этого момента начинается становление Герцена как наиболее передового мыслителя России. Он, подобно Карлу Марксу, был абсолютно уверен, что станет свидетелем предсмертной агонии капитализма.

Привычное раздражение в отношении иностранцев обострилось у Герцена во Франции по идеологическим причинам. Русские молодые дворяне воспринимали Францию «живьем», через репетиторов и слуг, и с помощью трудов французских философов и социалистов, призывающих к борьбе с тиранией и эксплуатацией народа. Средний француз не испытывал на себе никакой тирании. Он стремился полагаться на собственные силы, был невероятно практичен и овладел тем самым извечным французским шовинизмом, который заставлял добродушно критиковать французское произношение его русских друзей. Нет ничего странного в том, что Герцен чувствовал себя намного лучше в Италии. Страдания итальянского крестьянина были такими же, как страдания русского мужика. Итальянская буржуазия была намного слабее и беднее французской, а потому не вызвала такого раздражения, как французская. В Лондоне Герцен одновременно испытывал недовольство и некое благоговение перед этим в высшей степени уверенным в себе оплотом капитализма. Он не мог не восхищаться английскими законами и индивидуализмом. В Париже, Италии и даже в Швейцарии никто не был так защищен от длинной руки царской охранки, и присутствие иностранных заговорщиков время от времени беспокоило местные власти. Британия предоставляла революционерам абсолютную безопасность, но в то же время проявляла полнейшее, оскорбительное отсутствие интереса к их делам.

Стоило Герцену в достаточной мере оценить западные институты, и он нашел средство для лечения российских болезней, принявшее форму «русского народнического социализма».²⁸

О явном неприятии Герценом европейского конституционализма свидетельствует его знаменитая фраза: «Россия никогда не станет протестантской (читай, умеренной и материалистической), Россия никогда не станет *juste-milieu*, золотой серединой (то есть прозаическим буржуазным обществом), Россия никогда не станет революционным путем избавляться от Николая I, чтобы заменить его царскими представителями, царскими судьями, царскими полицейскими».²⁹

И что потом?

Ошибочные теории приводят к негативному ходу истории. Так и в случае с Россией. Множество философских гипотез, лежавших в основе «типично русских» политических и экономических решений, являлись детищами немецких ученых. Герцен изучал творчество барона Гакстгаузена, чьи труды о русском крестьянине и сельском хозяйстве оказали огромное влияние не только на самого Герцена, но и на русскую общественную мысль XIX века. Особое внимание Гакстгаузен уделял крестьянской общине в России. На территории Европейской России

²⁸ Об этом подробно изложено в кн.: *Malia Martin. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Cambridge, Mass., 1960.*

²⁹ См. там же. С. 408.

община, и во времена крепостного права, и после его отмены в 1861 году, являлась основной формой аграрного хозяйства. Земля принадлежала общине, а не отдельным крестьянским семьям. В большинстве общин крестьянское собрание (в России – мир) периодически перераспределяло земельные наделы среди членов общины, решало споры и рассматривало различные вопросы (до отмены крепостничества тема обсуждения определялась землевладельцем, а после отмены – представителями правительства). Гакстгаузен рассматривал общину как относящийся к глубокой древности институт, реликт древнего коммунизма; община являлась отличительным признаком первобытного строя. России удалось сохранить эту основу крестьянской демократии и социализма, что могло оградить ее от пагубного влияния западного капитализма, где лишенные собственности крестьяне и рабочие превращались в живущий в трущобах Лиона и Манчестера пролетариат.

Русского консерватора, славянофила теория Гакстгаузена вооружала серьезным интеллектуальным оружием в борьбе против апологетов западных институтов. Крестьяне не нуждаются в парламентах; у них самая что ни на есть демократия. Община обеспечивает экономическую стабильность крестьян, придает уверенность и защищает от деградации, грозящей западному пролетариату.

Следует сказать, что в действительности община не была таким уж древним институтом. Обеспечиваемая общиной экономическая стабильность находилась на низжайшем уровне, периодическое перераспределение земли вовсе не исключало экономического неравенства среди крестьян, и, что наиболее важно, община затрудняла социальную мобильность, препятствовала техническому прогрессу сельского хозяйства и, следовательно, являлась преградой и до и после отмены крепостного права для индустриализации и экономического развития России.

Мы можем оценить происходящее, а более проницательным мыслителям дано заглянуть в будущее. Русский радикал 40—50-х годов XIX века содрогался при мысли об индустриализации мира, грязных, перенаселенных промышленных городах и ожесточенном пролетариате и всячески стремился не допустить такой судьбы для России. Теория Гакстгаузена только подкрепляла уже существующую идеализированную точку зрения русского социалиста на общину: да, Россия стремится к цивилизованному миру и социализму, но без индустриализации. Это приятно тешило национальную гордость. Кто бы мог подумать, что отсталая, самодержавная Россия может указать остальному миру путь к демократии и социализму!

Кроме того, социализм, с точки зрения Герцена, включал план объединения свободных крестьянских общин. В первую очередь следовало отменить крепостное право; крестьяне должны были получить землю, заплатив землевладельцам небольшую компенсацию или вообще без компенсации.³⁰

В отличие от Бакунина Герцен был противником крестьянских восстаний, подобных тем, что имели место в России в XVII веке. Время от времени Герцен подумывал о реформе сверху и взывал к совести и уму собственного класса, дворянства. Несмотря на полное неприятие буржуазного Запада, Герцен был настоящим европейцем, по крайней мере, высоко ценил индивидуализм и не признавал насилия до тех пор, пока не будут исчерпаны все возможности для убеждения и мирного урегулирования.

Вклад Герцена в революционные традиции не ограничивался только аграрным социализмом; его точка зрения на общину и идеализация демократических, а по сути, коммунистических основ русского крестьянства не сильно отличались от взглядов Бакунина и других современных радикалов. Сама личность Герцена, учителя и вдохновителя, является основным вкладом в революционное движение. Его личность, его мастерство писателя и журналиста спо-

³⁰ В отличие от рабов-негров большинство крепостных являлись арендаторами, то есть кроме работы на земле, принадлежащей помещику (иногда работа заменялась денежным платежом), у них был «собственный» коллективный земельный надел.

собствовали созданию классического образа русского интеллигента, человека, заботящегося о благе людей и считающего занятие политикой долгом каждого думающего, честного человека. Именно таким был Герцен, взявший на себя ответственность за душевное состояние русской эмиграции. Сбежавшие из России жертвы тирании чувствовали себя не просто отдельными личностями, а объединенными общей ответственностью за политическое будущее России.

В 1857 году в Лондоне Герцен начал издавать газету «Колокол». В России Герцен в свое время уже предпринимал попытки опубликовать свои идеи, но только с «Колоколом» у него появилась возможность занять главенствующее место в интеллектуальной и политической жизни. Смерть Николая I в 1855 году, поражение России в Крымской войне привели к ослаблению самодержавия. «Колокол», официально запрещенный, проник в наиболее влиятельные круги; его читал даже император Александр II. В тот момент создатели газеты очень точно уловили дух перемен после смерти прежнего деспота. Социально-политическая система давно себя изжила, что наглядно продемонстрировало поражение в войне. Власти решились на реформу; новый император не унаследовал от отца его панического страха перед любыми политическими изменениями. С первого взгляда, если не вдаваться в подробности, есть некоторое сходство этого времени с постсталинской эпохой, правда, царское правительство не обладало столь широкими возможностями, чтобы удержать либерализм в разумных рамках. Отсутствие у власти опыта умелой пропаганды лишило ее возможности отнестись прошлые беды за счет культа личности.

Время от времени «Колокол» одобрительно отзывался о тенденциях в реформировании, а временами, напоминая об обещаниях, данных царем, подвергал их нападкам за излишнюю медлительность. Больше всего доставалось отжившей бюрократической системе и в особенности тем, кто продолжал цепляться за николаевский режим. Благодаря таланту политического обозревателя Герцен приобрел известность в России как в среде либералов, так и среди тех, кто придерживался умеренных взглядов. Но успех и благожелательное отношение были недолговечны. Герцен, сам того не подозревая, уже заразился западным либерализмом и превратился в либерального революционера. По его мнению, любая реформа должна была быть нацелена на будущее и привести к полной свободе и социализму. Он не мог понять новое радикальное направление, которое с большим сарказмом относилось ко всем реформам и требовало полностью уничтожить старую социально-политическую систему, не дожидаясь создания новой, социалистической России. Конфликт сулил будущий раскол в революционном движении: каждое следующее поколение смотрело на старших с жалостью и презрением, как на людей излишне мягких и не расположенных к революционной борьбе.

В политике, как, впрочем, и в личной жизни, Герцен был истинным порождением романтизма, приступы экзальтации у него периодически сменялись депрессией. Новость, что царь планирует освобождение русского народа от векового рабства, вызвала у него взрыв благодарности. Он назвал Александра II освободителем России и поместил на страницах «Колокола» несколько писем в адрес императора с советами, как справиться с противоборствующей бюрократией и реакционной частью дворянства. Временами эта односторонняя «переписка» принимала смешной оборот, как в случае, когда Герцен давал советы царской семье относительно воспитания наследника престола.³¹

Но стоило проявиться репрессивной политике нового режима, как неумеренные восторги Герцена сменялись на суровое осуждение. По сути, предрасположенность к царю (и Герцен был не одинок в своих чувствах) была связана с народничеством. Поверил ли крестьянин, что царь для него – отец родной, и не обвинил ли бюрократическое правительство в том, что

³¹ Для того времени был вполне объясним подобный взрыв эмоций в отношении Александра, слишком явным был контраст между ним и его отвратительным отцом. Князь Кропоткин, известный революционер-анархист, упоминает в мемуарах, какой восторг он ощутил после первой встречи с царем-либералом.

оно обмануло царя, воздвигнув барьер между царем и его народом? Даже террористы, впоследствии убившие императора, стали жертвами тех же чувств, той же веры во всемогущество одной личности: они покарали несправедливого отца, который дал себя обмануть и отказал народу в свободе. Русским марксистам была абсолютно чужда атмосфера столь сокровенных революционных чувств в отношении царя. Для Ленина император был «дураком Романовым» и личностью, не обладающей никаким влиянием.

В начале 60-х прежнее влияние «Колокола» в России резко пошло на убыль. Процесс освобождения крестьянства не оправдал надежд Герцена. Царизм в очередной раз поверг его в ужас кровавым подавлением восстания в Польше в 1863 году. Герцен был в числе сравнительно небольшого числа русских интеллигентов, искренне вставших на сторону поляков. Несмотря на этническую связь (а может, благодаря ей) и всю историю двух этих народов, отношения между поляками и русскими складывались не лучшим образом. В отношении поляков русское общественное мнение придерживалось стереотипов, не слишком отличающихся от тех, которыми иногда награждали евреев. Радикалы видели в польских лидерах аристократов и землевладельцев, которые эксплуатировали своих (а нередко русских) крестьян. Консерваторы считали поляков нацией революционеров, похвалившейся своей исключительной культурой и предавшей славянскую расу. Герцен, уверенно вставший на защиту польской независимости в тот момент, когда поляки убивали русских солдат, разбудил в России шовинистические чувства.

Герцен катастрофически быстро терял влияние и среди радикалов, готовых приветствовать любое выступление против царизма. Герцен явно отставал от «людей 60-х годов», или «нигилистов», как их иногда называют. Он был продуктом романтизма, а они вообразили себя представителями «научного» коммунизма. На их взгляд, социализм Герцена был излишне гуманным. Во многих случаях «нигилисты» были людьми низкого происхождения; их самолюбие уязвляли аристократические манеры и изысканный язык Герцена. Они прикрывали свою социальную и интеллектуальную неполноценность, как это зачастую происходит в подобных случаях, сарказмом в адрес «людей 40-х годов» с их полными благих намерений, но такими устаревшими и бессмысленными либеральными идеями (в радикальной среде слово «либерал» стало звучать как оскорбление). Новые люди, вроде Чернышевского, вызывали у Герцена скорее эмоциональное, нежели политическое неприятие. Он чувствовал, как, вероятно, почувствовал бы в большевиках, что занятие революцией, скорее всего, является для них не возможностью добиться свободы, а просто самоцелью. За их ярко выраженным материализмом и погруженностью в науку Герцену виделась враждебность к традиционной культуре, ко всему, что не могло стать «полезным», то есть не соответствующему их политическим представлениям и амбициям. В ужасе от новых радикалов Герцен произнес фразу, которая постоянно ставилась ему в вину: молодежь, писал Герцен, сохранила в своей ментальности характерные особенности, присущие «комнате для слуг, духовной семинарии и казарме». Это был прямой намек на их плебейское происхождение, обвинение в грубости и зависти к старшему, более «благородному» поколению. В другом случае Герцен воспользовался приемом, который впоследствии использовался во всех революционных спорах, а сегодня, тщательно отлаженный, прослеживается в отношениях между русскими и китайскими коммунистами, которые, отказавшись от собственной политики, ставшей «крайне» правой, служат интересам реакции. В статье под заголовком «Very Dangerous» (есть какая-то неестественность в том, что название дано на английском языке) Герцен объявил, что нападки на него служат интересам наиболее реакционной части царской бюрократии и за это правительство могло бы наградить молодых радикалов.

Герцен с горечью понял, что его противники все сильнее завоевывают умы и сердца молодого поколения России. Кроме того, к нему пришло осознание безнадежности его собственной политической позиции. Герцен не мог позволить себе долго оставаться среди людей с умерен-

ными взглядами и отрицать любые формы революционной борьбы. В нем уже проявилась психологическая черта, ставшая проклятием будущих либералов. Как повезло Ленину, который понял и использовал в своих интересах слабости либералов.

В силу характера Герцен должен был вернуться к революционной борьбе. Он все еще возлагал надежды на императора, но, как и прежде, горячо реагировал на любые проявления тирании и жесткости со стороны властей. Студентам, возглавившим теперь революционные беспорядки в России, Герцен писал: «Слава вам! Вы начинаете новую эру, вы осознали, что время слухов, скрытых намеков (тайного чтения), запрещенных книг прошло». Куда же им следовало идти, если власти закрыли университеты? «К народу, к народу... показать ему... что среди вас есть те, кто готов сражаться за русский народ». На арест Чернышевского, своего основного антагониста среди радикалов, человека, который олицетворял для него духовную узость (менталитет семинарии), Герцен отреагировал статьей, в которой отдавал дань уважения Чернышевскому и осыпал проклятиями царизм.

Последние годы жизни Герцена (он умер в 1870 году) были омрачены личной драмой. Карр в «*Romantic Exiles*» дает яркую картину бурной личной жизни революционера и его окружения; жизни, отравленной неверностью, а затем трагической смертью жены; мучительной связью с женой самого близкого друга, Огарева, связью, которая не смогла внести раздор в давнюю дружбу и не отразилась на политическом сотрудничестве, но, безусловно, нанесла моральный и психологический удар Огареву.³²

Переезд Герцена на континент был связан не только со снижением популярности «Колокола», но и с личными соображениями. К тому времени в Женеве сосредоточилась новая русская эмиграция, а какой же русский мог долго оставаться в Лондоне с его холодной, викторианской атмосферой, отвратительной английской кухней, вдали от очаровательных французских кафе, столь необходимых революционерам-изгнанникам? Герцену Лондон казался «муравейником»; ничто не связывало его с интеллектуальной и политической жизнью британской столицы. Круг его знакомых практически ограничивался эмигрантами.

Герцена не приводил в восторг не только новый русский радикализм, но и многие тенденции европейского социализма. Ему были чужды «научный» социализм и то особое внимание, которое придавалось рабочему. «Рабочий любой страны превратится в буржуа». Какое дальновидное, даже если и чрезмерно оптимистичное, суждение! Русские марксисты так до конца и не простили Герцену неприятие им основной роли рабочего класса. Как можно сравнивать героический рабочий класс с продажной, филистерской буржуазией? Но против Маркса Герцен не мог устоять. Лондонский политический деятель относился к так называемому «желчному» типу революционера. Интриган, не отказывавший себе в удовольствии во время полемики оскорбить оппонента и вылить на него ушаты грязи. Герцен не разделял бакунинского патологического антисемитизма и германофобии (хотя и не любил немцев). Но Маркс для него являлся олицетворением духа немецкой буржуазии: педантичный, абсолютно неромантический, лишенный жалости и сострадания и всего того, что он не считал необходимым для настоящего борца за народное право. За одно то, что доктор Маркс выступал или просто присутствовал на каком-либо политическом сборище, Герцен был готов простить ему все.

Последователи и противники Герцена по-разному оценивали веру Герцена в нравственную основу революции; зачастую их мнение сильно огорчало Герцена. Он писал, обращаясь к горячим головам «молодой России», распространявшим манифесты, призывающие к террору, что давно перестал на войне и в политической деятельности желать крови врага. «Всякий раз,

³² Ученые встретили рассказ Карра, ироничный, но с долей сострадания, с изрядным раздражением. Коль предполагал (несправедливо), что Карр с англосаксонской снисходительностью представляет великого революционера и его окружение как группу запутавшихся иностранцев, тем самым заставляя случайного читателя задаваться вопросом, что за люди становятся социалистами. И если это так, то читателя следует успокоить рассказами о семьях Маркса и Ленина, с их супружеским счастьем и буржуазной упорядоченностью.

когда будет пролита чья-то кровь, прольются чьи-то слезы». Но будущее русское революционное движение принадлежало таким революционерам, как лишенный всяческих сантиментов Чернышевский: «История шагает не по Невскому проспекту; ее путь пролегает по грязи, отбросам, через болота и овраги! Если вы боитесь покрыться грязью и испачкать башмаки, не занимайтесь политикой!»³³

Это несправедливо по отношению к Герцену. Он не боялся забрызгаться грязью; он просто не хотел, чтобы революция запачкала руки бессмысленной кровью. «Удача» пришла к Герцену после смерти: все направления русской революционной мысли признали в нем духовного наставника. Дома он чувствовал бы себя неуютно среди либералов, пребывающих в восторге от парламентских институтов Запада, и, уж конечно, не принял бы большевизм. Коммунистам лучше всего удавалась посмертная реабилитация. Мертвых не заставишь отказаться от собственных убеждений, но их ошибки могут быть приписаны происхождению или эпохе, которой они принадлежали. В пантеоне коммунистических святых – предшественников Ленина – Герцен разделил неподходящую компанию с Чернышевским, террористами «Народной воли» и Плехановым (который бы также воспротивился подобной чести). Можно с уверенностью сказать, что, окажись Герцен в XX столетии в Париже или Лондоне, он с не меньшим пылом, чем когда-то Николая, заклеил бы советскую власть. Можно не сомневаться, что он бы совместил разгром российской тирании с выражением протестов в адрес капиталистического Запада с его империализмом, непониманием того, что происходит в России, жестокой и деспотичной, хотя, возможно, все еще сохраняющей семена свободного и лучшего общества. Можно даже ожидать, что Герцен приветствовал бы приход коммунизма в Китай, а легендарные события, связанные с кубинской революцией, вызвали бы в нем необычайное волнение. Вероятно, энтузиазм и разочарование Герцена вызывают в нас воспоминания, относящиеся не только к России и ее прошлому.

³³ См.: *Стеклов ЮМ.* Бойцы за социализм. М., 1923. Т. 1. С. 159.

Глава 3

Чернышевский

Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889) стоит у самых истоков большевизма. В восемнадцатилетнем возрасте Владимир Ульянов написал ему восторженное письмо, а затем, после его длительной ссылки в Сибирь, письмо в Саратов. В Кремле, в кабинете Председателя Совета народных комиссаров, работы Чернышевского занимали почетное место рядом с сочинениями Карла Маркса. Чернышевский помог в создании образа революционера, Маркс способствовал формированию идейных взглядов. Но Ленин был не единственным, кто подпал под влияние Чернышевского. В мемуарах и даже в полицейских показаниях у революционеров различных политических убеждений можно часто встретить такую фразу: «Я стал революционером после чтения Чернышевского». Наиболее часто упоминаемая книга, давшая название одному из основных трудов Ленина, «Что делать?». Молодые радикалы запоем читали появившийся в начале 60-х годов роман. Но даже спустя десять – двадцать лет, когда уже удалось объяснить все туманные намеки, коими изобилует роман, школьники все еще подпадали под его очарование.

В произведении Чернышевского мы видим влияние социальной среды, глубоко отличной от той, к которой принадлежали Герцен и Бакунин. Чернышевский был сыном православного священника. В этой среде духовный сан был фактически наследственным. Условия жизни рядового духовенства, которое не могло рассчитывать на высокое положение, не сильно отличались от условий жизни прихожан (основную часть их в XIX веке в России составляли крестьяне). С той лишь разницей, что священники должны были быть хотя бы минимально образованными людьми. Эта смесь бедности и образованности создавала основу для зарождения радикальной революционной интеллигенции. Не только Чернышевский и его ближайший сподвижник Добролюбов, но и многие другие революционеры вышли из среды духовенства.³⁴

Происхождение и обучение в течение некоторого времени в духовной семинарии наложили отпечаток на характер Чернышевского. Советский биограф с неохотой отмечает, что неверующий Чернышевский тем не менее любил посещать церковные службы и, входя в церковь, осенял себя крестом.³⁵

Строгое воспитание отразилось на характере мальчика, он был робок и неуверенно чувствовал себя в обществе.

С моей точки зрения, очень важно остановиться на личной жизни Чернышевского. Не ради болезненного любопытства, а из-за его огромного вклада в радикальное движение и в связи с тем, что он и герои его произведения станут образцами будущих революционных бойцов.

Опять появляется соблазн свести все к упрощенной схеме: Чернышевский, как любой человек из народа, не обладал высокой образованностью и эрудицией. В нем смешались крестьянская хитрость и простодушие, а временами на смену непреодолимой застенчивости приходила высокомерная уверенность в себе. Какой бы автор так обратился к читателю, как он делает это в предисловии «Что делать?»? «У меня нет ни тени художественного таланта. Я даже и языком-то владею плохо. Но это все-таки ничего: читай, добрейшая публика! Прочтешь не

³⁴ У меня сильное искушение – впасть в социологический сленг и использовать магическое слово «отчуждение». Но история русского революционного движения накладывает строгие ограничения на этот термин. Были ли декабристы отчуждены от общества? Они представляли идеи и чувства, конечно, не основного большинства, но значительной части своего класса. То же произошло позже с радикальной интеллигенцией. Зачастую они были активнее, решительнее выражали идеи, которыми был повально увлечен их социум. Вероятно, они были твердолобыми реакционерами и защитниками статус-кво царской России, отчужденными, «мятежниками, восставшими против своего класса».

³⁵ См.: *Стеклов ЮМ. У. В. Чернышевский. М., 1928. Т. 1. С. 8.*

без пользы. Истина – хорошая вещь; она вознаграждает недостатки писателя, который служит ей». Из тюрьмы накануне ссылки в Сибирь Чернышевский пишет жене: «Наша жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, и наши имена все еще будут дороги людям; когда наши современники давно уже будут мертвы, о нас по-прежнему будут думать с благодарностью». Человек, предупредивший читателя, что не обладает художественным талантом, с гордостью заявил полицейскому чину, что его имя будет жить в истории русской литературы наряду с именами Пушкина, Гоголя и Лермонтова.

Чернышевский героически переносил выпавшие на его долю страдания; его выносливость граничила с мазохизмом. После десяти лет, проведенных в ссылке в Сибири, правительство известило Чернышевского о том, что, если бы он подал прошение о помиловании, ему бы позволили воссоединиться с семьей. Чернышевский не выразил ни гнева, ни радости. Он с некоторым смущением ответил чиновнику, доставившему известие: «Спасибо, но, пожалуйста, как я могу «просить» о помиловании? <...> Мне кажется, что меня сослали потому, что моя голова устроена иначе, чем у начальника полиции, так за что мне просить помилования?» К разочарованию чиновника, Чернышевский категорически отказался просить о помиловании. Когда ему позволили вернуться в Европейскую Россию, он, будучи уже в зрелом возрасте, глубоко больным, спокойно продолжил литературную деятельность. На дурацкие вопросы, как он чувствовал себя в Сибири, Чернышевский терпеливо отвечал, что это были самые счастливые годы!

Циник захочет увидеть в этом желание создать легенду из собственной жизни. Но в личной жизни у Чернышевского проявлялись те же свойства: долготерпение, робость и твердость характера. Он влюбился в девушку из высшего общества, к тому же красивую, которой долго добивался. Чернышевского приводило в восторг, что его возлюбленная отвечает ему взаимностью. Весьма парадоксальным образом он принялся доказывать девушке, что не имеет права жениться, поскольку его тянет в политику, и, хотя он по природе труслив, должен присоединиться к революционному движению, что, вероятнее всего, закончится виселицей или тюрьмой.³⁶

Перед свадьбой Чернышевский сделал самое необычное заявление, какое можно было услышать в XIX веке. Он сообщил, что предоставит жене полную свободу в прямом смысле этого слова. Более того, он заявил невесте: «Я в вашей власти, делайте что хотите». Другьям, которые предостерегали его, имея в виду репутацию будущей жены, он ответил совсем уж невероятное: «Если моя жена захочет жить с другим, если у меня будут чужие дети, это для меня все равно. Если моя жена захочет жить с другим, я скажу ей только: «Когда тебе, друг мой, покажется лучше воротиться ко мне, пожалуйста, возвращайся, не стеснясь нисколько»».³⁷

Чернышевским двигала не только любовь, но и социальная убежденность. Женщину всегда угнетали, и теперь ее эмансипация должна была начаться с временного господства над мужчиной. «Каждый порядочный человек обязан, по моим понятиям, ставить свою жену выше себя; это временное превосходство необходимо для будущего равенства». Впоследствии измены и легкомысленные поступки жены переносились Чернышевским с тем же невероятным терпением, с каким он выносил ссылку. Он писал ей только о своей любви и преданности и никогда ни о чем не просил. Если поведение жены, за исключением неверности мужу, не вписывалось в концепцию Чернышевского о том, какой должна быть эмансипированная и политически сознательная женщина, то он успешно скрывал это от посторонних глаз.³⁸

³⁶ Как вам нравится такой своеобразный метод ухаживания?

³⁷ См.: Богданович Т.А. Любовь людей 60-х. Л., 1929. С. 24.

³⁸ Злая родственница в заметках об Ольге Чернышевской заявляет, что язвительные слова ее мужа относительно самых счастливых лет в Сибири связаны с тем, что там не было его жены.

После ссылки Чернышевский вернулся к Ольге и ради удовлетворения ее малейших капризов брался за любую, даже самую неподходящую, денежную работу.

Наиболее значительный период активности Чернышевского совпадает с последними годами правления Николая и началом царствования Александра II. Отбросив мысль о духовной карьере, он в 1846 году поступает в Петербургский университет. По окончании университета он какое-то время занимается преподавательской деятельностью, а затем начинает работать в журнале «Современник». В скором времени этот двадцатилетний сын священника становится одним из наиболее влиятельных социальных и литературных критиков России. Для России конца 50-х – начала 60-х годов «Современник» имел огромный тираж – более шести тысяч. Основанный незадолго до смерти Пушкина, он печатал Тургенева, Толстого и многих других писателей этого спокойного периода в русской литературе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.